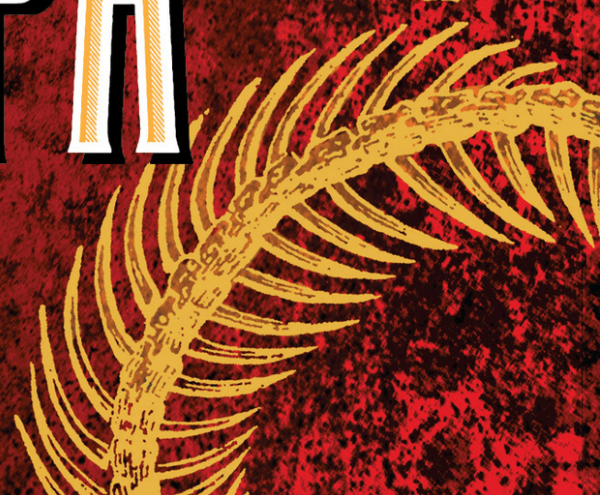

ТОМАС ХАРРИС

От создателя культового романа
«МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ»

КАРИ МОРА

Томас Харрис. От автора «Молчания ягнят»

Томас Харрис
Кари Мора

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Харрис Т.

Кари Мора / Т. Харрис — «Эксмо», 2019 — (Томас Харрис. От автора «Молчания ягнят»)

ISBN 978-5-04-104461-9

Роман, который Томас Харрис писал последние 13 лет, скрываясь от людей в своем роскошном особняке и не издав за это время ни строчки. История противостояния хитрого и извращенного убийцы – и красивой, но очень опасной женщины. История зла, жадности и темной одержимости. Два мира, две судьбы... Он – коварный и безжалостный убийца, торговец живым товаром. Она – беженка из охваченной гражданской войной страны. Он – богатый подпольный делец, никогда не упускающий своей выгоды. Она – бедная смотрительница пустующего особняка на побережье Майами-Бич, заботящаяся о своей тяжело больной тете. Он не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей корыстной цели. Она не остановится ни перед чем, чтобы сохранить жизнь и спокойствие себе и своим близким. Он умеет убивать. Она умеет убивать. Они не искали встречи друг с другом – но теперь их интересы пересеклись, и в живых останется сильнейший...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104461-9

© Харрис Т., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Томас Харрис

Кари Мора

*Посвящается
Элизабет Пейс Барнс,
моему неиссякаемому
источнику любви
и жизненной мудрости*

Thomas Harris
Cari Mora

Copyright © 2019 by Thomas Harris. This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New York, New York, USA. All rights reserved

Иллюстрация на переплете Design by Tal Goretsky

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Посреди ночи переговариваются двое. Между ними – ровно одна тысяча сорок миль. У каждого полголовы подсвечено мобильником. Две призрачные половинки лиц общаются во тьме.

– Я могу попасть в дом, где, ты говоришь, это лежит. Выкладывай остальное.

Ответ едва слышен сквозь потрескивание помех.

– Ты пока заплатил всего четверть от обещанного. *Пф-нф*. Отправляй остальные деньги. Давай отправляй. *Пф-нф*.

– Хесус, если теперь я найду то, что мне надо, без твоей помощи, ты вообще больше ни хрена от меня не получишь.

– Вот тут-то ты прав! Просто не представляешь, как прав. *Пф-нф*. То, что тебе надо, лежит на пятнадцати кило «Семтекса»... если ты найдешь это без моей помощи, то просто на Луну улетишь. И тебя там по ней размажет.

– У меня длинные руки, Хесус¹.

– С Луны не дотянешься, Ганс-Педро.

– Меня зовут Ганс-*Петер*, как тебе известно.

– Меня не интересуют твои паспортные данные. Руки, говоришь, длинные? Тогда до своей кубышки точно дотянешься. Хватит уже время тянуть. Отправляй бабло.

Соединение обрывается. Оба лежат, уставившись во тьму.

Ганс-Петер Шнайдер – на койке своего длинного черного катера неподалеку от Ки-Ларго. Он прислушивается к женским всхлипам из треугольной носовой каюты. Передразнивает их. Он вообще в этом деле мастер. С его губ срывается голос собственной матери, зовущий девушку по имени.

– Карла? Карла? Почему ты плачешь, детка? Это всего лишь сон!

На миг, отчаявшаяся от страха и темноты, она обманута, но тут же раздражается еще более горькими слезами.

Женский плач – лучшая музыка для Ганса-Петера; послушав его, он успокаивается и опять засыпает.

* * *

В Барранкилье, Колумбия, Хесуса Вильярреала немного успокаивает только тихое шипение респиратора. Он вдыхает кислород из маски. В темноте ему слышно, как пациент из общей палаты за стеной взывает к Богу, кричит: «Господи Иисусе!»

Хесус Вильярреал шепчет во тьму:

– Хотелось бы мне, чтобы Бог слышал тебя сейчас не хуже, чем я. Но лично я в этом сильно сомневаюсь.

Вызывает справочную со своего одноразового мобильного, получает номер школы танцев в Барранкилье. Стягивает кислородную маску вбок, чтобы поговорить.

– Нет, уроки танцев меня не интересуют, – произносит он в трубку. – Мне сейчас вообще как-то не до танцев... Я хочу поговорить с доном Эрнесто. Да ладно, прекрасно вы его знаете! Просто передайте ему, как меня зовут, он поймет. *Пф-нф*.

¹ Хесус – испанский вариант имени Иисус. – *Здесь и далее прим. пер.*

Глава 2

Под журчание воды вдоль длинного черного корпуса катер Ганса-Петера Шнайдера медленно скользил мимо огромного домины на берегу залива Бискейн².

Ганс-Петер не сводил бинокля с девушки, которая, в пижамных штанах и майке, потягивалась на террасе в раннем утреннем свете. Звали девушку Кари Мора, возраст – двадцать пять лет.

– Моя богиня! – проговорил он, оскалась и обнажая по-собачьи длинные зубы с серебряным покрытием.

Ганс-Петер высок, бледен и совершенно лишен волос. Даже ресниц – и тех нет, поэтому веки оставляли на линзах бинокля жирные следы. Он протер окуляры льняным платком.

Рядом с ним переминался агент по недвижимости, Феликс.

– Да, это она. Кто за домом присматривает, – сказал тот. – Знает его до последнего закоулка, лучше любого другого, так что вполне можно ее использовать. Вызнай у нее все, что надо, и я по-быстрому ее оттуда солью. Пока она не увидела то, что ей видеть не полагается. Чтобы зря время не тратить.

– Время, – проговорил Ганс-Петер. – Время. Сколько еще действует текущий договор аренды?

– Еще две недели. Он на одного мужика, который снимает рекламные ролики.

– Феликс, мне нужны ключи от этого дома. – Ганс-Петер говорит по-английски с ощутимым немецким акцентом. – Причем прямо сегодня.

– Ну да: ты влезешь туда, что-нибудь произойдет, и все сразу поймут, что это я тебе ключи дал! И все шишки на меня! – Феликс расхохотался, но собеседник его не поддержал. – Слушай, я сегодня же схожу к арендатору, попрошу его закруглиться. Лучше тебе прийти туда днем, с людьми, спокойно все обсудишь. Сам знаешь, что это за домик. Просто жуть берет. Я уже четырех сторожей поменял, пока эту телку не нашел. Остальным, видите ли, страшно.

– Хорошо, Феликс, дуй к съемщику. Предложи ему денег. В пределах десяти тысяч. Но ключи давай прямо сейчас, иначе в пять секунд окажешься за бортом.

– Если ты с этой сучкой что-нибудь сделаешь, она тебе не помощник, – сказал Феликс. – Ночью она всегда там. Страховая требует – по пожарной безопасности. Днем иногда в других местах подрабатывает. Подожди немного, лучше в дневное время заглянешь, когда ее не будет.

– Я просто хочу осмотреться. Она и не просчет, что я в доме.

Ганс-Петер еще раз изучил Кари сквозь стекла бинокля. Она как раз приподнялась на цыпочки, чтобы наполнить птичью кормушку. Да уж, такими телками тоже разбрасываться не стоит... Очень интересные шрамы – знающие люди хороших денег дадут. Пожалуй, всю сотню тысяч можно заработать. Это будет, так-так... тридцать пять миллионов четыреста тридцать три тысячи сто восемьдесят четыре мавританские угии. Есть в Нуакшоте один клубешник – «Грот Акрота», они как раз на всяких уродствах специализируются... И это только когда все руки-ноги на месте и без татуировок. Если не гнать и доработать ее под требования клиента – какого-нибудь любителя ампутантов, – то, пожалуй, и побольше выйдет. Тысяч сто пятьдесят. Впрочем, кошкины слезки. В этом доме золота на двадцать пять – тридцать миллионов долларов припрятано.

Укрывшаяся на деревце плюмерии по соседству с террасой птичка запела песенку, которую выучила в Колумбии и принесла с собой на север в Майами-Бич.

² Это, по сути, скорее довольно узкая (не более 15 км) прибрежная лагуна, в северной своей части разделяющая длинную косу, на которой расположен Майами-Бич, и собственно город Майами. А вот упоминающийся далее Северный Майами-Бич, несмотря на название, находится еще глубже на материке, к западу от города.

Кари Мора сразу узнала характерный голосок странствующего дрозда, обитающего в двух тысячах миль отсюда. Пела птичка хрипловато, но с большим энтузиазмом. Улыбнувшись, Кари прервала свое занятие, чтобы еще раз послушать хорошо знакомую с детства песенку. Присвистнула птичке. Та свистнула в ответ. Кари пошла обратно к дому.

На катере тем временем Ганс-Петер протягивал руку за ключами. Феликс положил их ему на ладонь, стараясь не касаться ее пальцами.

– Двери на сигнализации, – предупредил он. – Но на двери солярия сигналка вырубилась, ждем запчасти. Это та дверь, которая с южной стороны дома. У тебя есть отмычки? Ради всего святого, поцарапай как следует вокруг скважины перед тем, как открывать ключом, и подбрось отмычку на крыльцо – на случай если что-то вдруг все-таки пойдет наперекосяк.

– Только ради тебя, Феликс.

– Не слишком-то удачная мысль, – вздохнул тот. – Если чего-нибудь с ней сделаешь – так ничего и не узнаешь.

* * *

Подойдя к своей машине, оставленной на парковке яхтенной гавани, Феликс вытащил из-под коврика в багажнике одноразовый мобильник, припрятанный рядом с домкратом и инструментами. Набрал номер школы танцев в Барранкилье, Колумбия.

– Нет, сеньор, – прошептал он в трубку, хотя вокруг не было ни души. – Я протабанил его с арендным договором, сколько смог. У него для таких вещей собственный адвокат, и он меня в итоге раскусит. И дом получит. Вот и всё. Нет, он знает не больше нашего... Да, у меня уже есть депозит. Спасибо, сеньор, я вас не подведу.

Глава 3

В дневное время Кари действительно не сидела без дела. И больше всего ей нравилось работать на Станции морских птиц, расположенной на Пеликан-харбор, где ветврачи при помощи волонтеров ухаживали за попавшими в беду птицами и морскими животными. Там на Кари лежала обязанность поддерживать порядок в помещении медпункта и в конце рабочего дня стерилизовать инструменты. Кроме того, иногда на пару с двоюродной сестрой доводилось готовить и подавать закуски на борту большого экскурсионного катера, принадлежащего станции.

Кари всегда приходила пораньше, чтобы можно было самой поработать с животными и птицами. На станции ей выдали полную униформу медсестры, и она с удовольствием ее надевала – еще один повод почувствовать себя настоящим медиком.

Ветеринары давно поняли, что на Кари можно целиком и полностью положиться – с птицами она обращалась ловко, осторожно и бережно. Вот и сегодня, под наблюдением доктора Бланко, Кари зашивала кожистый мешок под клювом белого пеликана, порванный рыболовным крючком. Работа эта тонкая и кропотливая – шить требовалось аккуратно, слой за слоем, пока птица дремала под газовой анестезией.

Увлеченно работая иглой, Кари чувствовала полное умиротворение. Не то что в детстве, когда прямо на поле боя приходилось наспех делать крупные «матрасные» стежки, накладывать импровизированные жгуты или затыкать сквозные раны грудной клетки первой попавшейся тряпкой, а то и просто рукой, разрывая зубами индивидуальный перевязочный пакет.

В конце дня все еще сонного пеликана отправили в вольер для выздоравливающих, а доктор Бланко и все остальные разошлись по домам.

Кари вытащила из морозильника «органическую» крысу (никакой химии, поставляющий корм питомник это гарантировал) – пусть оттаает, – освежила воду в поилках вольеров и клеток и принялась надраивать операционную.

Когда там воцарился образцовый порядок, а все инструменты были простерилизованы, она открыла бутылку тамариндовой колы и, прихватив размороженную крысу, направилась к затянутой стальной сеткой вольерам.

В одном из них, высоко на жердочке в дальнем углу, восседала большая ушастая сова. Кари просунула крысину тушку сквозь крупную ячейку сетки в узенький ящичек кормушки, прикрыла глаза и постаралась услышать приближение совы, прежде чем щеки опухнут от ее огромных крыльев. Большая птица никогда не садилась – сразу хватала угощение одной из когтистых лап и моментально взмывала обратно на жердочку, где, пугающе разинув клюв, поглощала крысу одним неумовимым глотком.

Большая ушастая сова относилась к постоянным обитателям станции. Выпускать на свободу ее было нельзя, поскольку некогда в результате столкновения с линией электропередачи она осталась без глаза и охотиться уже не могла, хотя летала по-прежнему уверенно. Эту сову прекрасно знали во всех местных школах, где она регулярно красовалась на уроках биологии, прикрыв свой огромный глаз и невозмутимо подремывая под любопытными взглядами сотен школьников.

Кари уселась на перевернутое ведро, прислонившись спиной к сетке, под неусыпным взглядом олуши в вольере напротив. Той тоже не так давно довелось оказаться в роли ее пациента, и работа оказалась не проще, чем с пеликаном, – плавательная перепонка на одной из лап птицы была чем-то разрезана, и Кари осторожно зашила ее мелким стежком, как ей показали ветеринары.

В яхтенной гавани по соседству намечалось оживление – в иллюминаторах зажигались огни, на палубах стали появляться теплые парочки, с камбузов потянуло съестным.

Каридад Мора, дитя войны, всегда мечтала стать ветеринаром. В Соединенных Штатах она жила уже девять лет, на основании все того же зыбкого статуса «временной защиты», и при нынешнем довольно кислом отношении к мигрантам этот статус мог быть снят абсолютно в любой момент по первому же капризу какого-нибудь государственного чиновника.

Пока против «понаехавших» еще окончательно не ополчились, Кари успела получить здесь некий эквивалент аттестата о среднем образовании, к которому потихоньку подсунула лицензию санитарки, полученную на родине после краткосрочных, всего шестинедельных курсов. Богатый жизненный опыт, конечно, тоже не стоило сбрасывать со счетов. Но чтобы учиться дальше, требовались бумаги получше. «Мигра» – иммиграционно-таможенная полиция – следила за такими вещами крайне бдительно.

В быстро тускнеющих тропических сумерках она села в автобус, направляясь обратно в огромный дом на берегу залива. Когда добралась до дверей, уже практически стемнело, на фоне тускнеющего заката пальмы казались совершенно черными.

Еще немножко посидела у воды. Ветерок с залива в тот вечер был полон призраков – нес тени мужчин и женщин, парней и девушек, мальчишек и девчонок, которые выжили или умерли у нее на руках, пока она пыталась залатать их раны. Одни, хватая воздух ртом, все же преодолели смерть; другие, конвульсивно содрогнувшись, обмякали навсегда.

Бывали вечера, когда этот ветерок легонько касался ее воспоминанием о нежном поцелуе, о взмахе щекотнувших лицо ресниц, о сладком дыхании на шее.

Иногда то, иногда это, но ветер всегда был чем-то полон, всегда нёс что-нибудь с собой.

Кари сидела во дворе, слушая лягушек, под застывшими взглядами лотосов, внимательно наблюдавших за ней с поверхности декоративного пруда. Подняла взгляд на круглый вход домика для совы, который соорудила из старого деревянного ящика. Никто оттуда так и не выглянул. Мерцали лишь крошечные глазки древесных лягушек, втихоря подглядывающих за ней из полумрака.

Попробовала насвистеть песенку дрозда. Никто не отозвался. Заходя в дом в то давящее время суток, когда в очередной раз оказываешься за столом в одиночестве, Кари опять ощутила пустоту в сердце.

Изначально домом владел Пабло Эскобар³, но сам он никогда тут не жил. Молва сходилась на том, что купил он его для своей семьи – на случай если его вдруг экстрадируют в Соединенные Штаты.

После смерти Эскобара дом регулярно становился объектом внимания юристов. На протяжении долгих лет он перевидал множество плейбоев, простофиль и спекулянтов недвижимости – самонадеянных скоробогачей, которые покупали его после очередного судебного решения и какое-то время держали за собой, пока дело опять не откатывалось назад, все в тот же суд по делам о банкротстве. А в доме всё продолжали накапливаться «игрушки» предыдущих хозяев, свидетельства несбывшихся амбиций, в основном из киношной области: реквизит, фигуры киношных чудиц в угрожающих позах – тянущихся друг к другу, замахающих, делающих выпады... Были здесь портновские манекены, старые афиши, музыкальные автоматы, реквизит из фильмов ужасов, замысловатая мебель для порносцен... В гостиной стоял чуть ли не самый первый электрический стул из Синг-Синга, на котором казнили троих; напряжение в нем последним регулировал сам Томас Эдисон – незадолго до того, как казнить электротоком Топси, цирковую слониху, дабы продемонстрировать убийственную силу переменного тока⁴.

³ Пабло Эмилио Эскобар Гавирия (1949–1993) – знаменитый колумбийский наркобарон, глава Медельинского наркокартеля, один из богатейших людей планеты. Убит в 1993 г. в перестрелке с колумбийским спецназом.

⁴ Был в биографии знаменитого американского изобретателя и такой сомнительный рекламный трюк, в 1903 г. Кстати, это не единственная подобная казнь в Америке – в 1916 г. за убийство дрессировщика повесили на подъемном кране слониху Мэри.

Черда загорающихся и потухающих окон показывала продвижение Кари между манекенами и притаившимися киношными чудищами во главе с семнадцатифутовой Матерью Чужих с планеты Зорн, пока она не добралась до своей спальни на самом верху. Наконец погас и этот последний огонек.

Глава 4

С полученными от Феликса ключами Ганс-Петер Шнайдер мог забраться в дом в Майами-Бич абсолютно в любой момент – чего до смерти хотелось. Ну, а эта красотка, Кари Мора, пусть и дальше дрыхнет у себя наверху.

Ганс-Петер расположился в жилом отсеке никак не отмеченного складского ангара на берегу залива Бискейн, неподалеку от старой Тандербот-элли⁵, что в Северном Майами-Бич. Большой черный катер он пришвартовал у крытого пирса, примыкающего к ангару. Сидел голый на табурете в самом центре душевой, выложенной кафельной плиткой, под тонкими тугими струями воды, бьющими в него из стен со всех сторон, напевал с немецким акцентом: «Я пою под дождем, а я пою под дождем... И радость, и счастье пусть пле-е-шутся в нем!»⁶

Поглядывал на собственное отражение в стеклянной стенке машины для «жидкой кремации», в которой растворял Карлу – не оправдала девчонка надежд, заработать на ней не удалось, пришлось списать.

В облаках пара, окутывающих душевую, его отражение напоминало старинный дагерротип. Приняв позу роденовского «Мыслителя», он поглядывал на себя уголком глаза. В пропитанном влагой воздухе витал ощутимый запах шлока.

Да, забавно наблюдать за собой в роли отражающегося в стекле «Мыслителя», когда за этим стеклом, в баке, кости Карлы начинают выступать из бесформенной массы, в которую щелочная вода успела превратить большую часть ее тела. Машина с хлопанием болтала едкую жидкость взад и вперед. Рыгала, пускала пузыри.

Ганс-Петер очень гордился своей машиной для «жидкой кремации». Пришлось основательно раскошелиться, поскольку сейчас это – последний писк моды среди завязанных поборников охраны окружающей среды, борющихся с выбросами окиси углерода. Машина не оставляла и следа от них. Да и вообще никаких следов не оставляла, раз уж на то пошло. Если какая-то девица не оправдывает надежд, если толку для бизнеса от нее ноль, всегда можно попросту спустить ее в канализацию – причем без всякого ущерба для грунтовых вод. Сама собой родилась рекламная песенка-экспромт: «Все проблемы Ганс-Петер разрулит на раз! Все проблемы Ганс-Петер сольет в унитаз!»

Впрочем, кое-какой прок от Карлы все-таки был – Ганс-Петер слегка с ней поразвлекся, да еще и удалось успешно продать обе ее почки.

Он млел в упоительном тепле, которое машина распространяла по душевой, хотя температуру в баке со щелочной водой специально поддерживал не слишком высокую – градусов семьдесят по Цельсию, чтобы продлить процесс и удовольствие. Завороженно наблюдал, как плоть медленно отделяется от скелета. Ганса-Петера всегда тянуло в тепло, как рептилию.

Поразмыслил, что бы надеть для вылазки в дом. Плотнo обтягивающий тело белый латексный комбинезон, который недавно удалось умыкнуть у кого-то из участников слета фанатов «фэнтези» – просто улет, но скрипит, зараза, когда ляжки на ходу трутся друг о друга. Нет. Нужно что-то черное, свободное и обязательно без застежек-«липучек» – на случай если он вдруг решит раздеться, глядя на спящую в доме Кари. И еще на смену надо что-нибудь прихватить – мало ли, вымажется, негоже ходить мокрым и липким. Плюс не забыть бы еще любимую узорчатую фляжечку с отбеливателем – будет чем уничтожить следы ДНК, если до этого дойдет. И портативный металлоискатель.

⁵ Вообще-то это культовое для любителей сверхскоростных катеров место больше известно как Thunderboat Row или же Gasoline Alley, – там, в частности, располагалась знаменитая верфь Cigarette, и там мафиози убили ее основателя – конструктора и гонщика Дона Аронау. Сейчас это практически пустырь, отрезанный от воды автострадой.

⁶ Песенка I'm singin' in the Rain («Поющие под дождем») из знаменитого одноименного киномузыка.

Теперь он напевал уже другую песенку, по-немецки – простецкую народную «Капуста со свеклой прочь меня прогнали» – ту самую, что Бах использовал в одной из своих «Вариаций Гольдберга».

Просто здорово, когда такой кураж! Когда впереди – тихий, спящий, ничего не подозревающий дом. И упоительная перспектива пощекотать страшного Пабло в его inferнальном сне...

* * *

У ограды огромного домины Ганс-Петер оказался около часа ночи. Луна сияла на всю катушку, на освещенной ее белесым светом земле лежали тени пальм – черные, как кровь. Когда ветер шевелит их крупные листья, эти тени напоминают человеческие фигуры. А иногда одна из таких теней – действительно человеческая. Ганс-Петер выждал очередной порыв ветра и двинулся сквозь мешанину теней, накрывшую лужайку.

Дом до сих пор излучал дневное тепло. Словно какой-то огромный теплый зверь, когда приваливаешься к нему боком. Прижавшись к стене, Ганс-Петер впитывал это тепло, приятно расходящееся по всему телу. Представил себя новорожденным кенгуренком, который упорно лезет из материнского живота в теплую уютную сумку.

Дом был погружен во тьму. Сквозь тонированное стекло террасы ничего не видно. Некоторые защитные ставни опущены – такие в здешних краях на случай ураганов. Ганс-Петер вставил в замок отмычку, подергал ею в скважине, чтобы оставить царапины.

Потом медленно вставил в замок полученный от Феликса ключ. Приятный холодок по коже. Очень интимный момент – прижавшись к теплому дому, вставлять ключ в замок. Под зубцами уходящего в цилиндр ключа тихонько потрескивали внутренние штифты – словно насекомые, когда он еще раз навел ту оставленную в лесу женщину. Мертвую уже несколько дней и потрясающе теплую – теплее живой под горой копошащихся личинок.

Овальная головка ключа уткнулась в замок. Вошел до упора. Вот так же до упора он войдет в нее, если все-таки решит подняться наверх. Останется в ней до тех пор, пока она не станет слишком холодной. Жалко, что остынет она быстрее, чем этот дом, до сих пор теплый после дневного солнца. При работающем кондиционере надолго она теплой не останется – даже если он прижмется к ней всем телом и накроется всеми найденными одеялами. Они всегда в конце концов остывают. Становятся ледяными и липкими.

Впрочем, нет нужды принимать решение прямо сейчас. Лучше просто следовать сердцу. Ха, интересно, получится ли устоять против зова сердца? Кто победит – голова или сердце, когда они начнут выяснять, кто тут главный? «Получай, Сердце!» «Н-на тебе, Голова!» Бум, бум! Будем надеяться, что она хорошо пахнет. «Капуста со свеклой прочь меня прогнали...»

Когда он повернул ручку и толкнул дверь от себя, тихонько зашуршал уплотнитель, защищающий порог. Крошечный металлоискатель – из тех, что строители используют для поисков скрытой проводки и металлического крепежа, – он заранее примотал скотчем к носку туфли. Если под ковром упрятан мат с датчиками, подсоединенный к сигнализации, полезная штука сразу об этом предупредит. Прежде чем наступить на ковер террасы-солярия всем своим весом, Ганс-Петер осторожно поводит над ним ногой, после чего двинулся в прохладную тьму за дверь – подальше от теней на лужайке и луны, греющей затылок.

Вдруг – какая-то возня и шуршание в углу у него за спиной.

– Какого хера, Кармен? – хрипло спросил птичий голос.

Пистолет Ганса-Петера был уже у него в руке – даже сам не понял, когда успел его вытащить. Застыл на месте, немного постоял, не двигаясь. Птица возилась в клетке, прыгая по жердочкам и что-то бормоча.

На фоне лунного света за окнами – силуэты манекенов. Не пошевелился ли какой-нибудь из них? Ганс-Петер медленно продвигался между ними в темноте. Выставленная гипсовая рука задела его за плечо.

«Оно здесь. Оно здесь. Золото – здесь! *Est ist hier!!!*» В этом нет никакого сомнения. Если у золота есть уши, оно обязательно услышит его, если он позовет его отсюда, стоя в гостиной. Зачехленная мебель, зачехленный рояль. Ганс-Петер прошел в бар с бильярдным столом, завешанным простынями до самого пола. Ледогенератор с грохотом вывалил в лоток очередную порцию льда, и он резко пригнулся – выжидая, прислушиваясь и напряженно думая.

Вся инфа о доме – у девчонки. Она может рассказать много чего полезного. Для начала надо все это вызнать, прежде чем предпринимать что-то еще. Заработать на ней можно и позже. За труп выйдет выручить от силы несколько тысяч, но даже для этого придется морочиться – упаковывать в сухой лед, перевозить...

Короче, нет смысла пока ее дергать, но тогда, на террасе, его к ней так потянуло, он так размяк, что жутко хотелось посмотреть на нее спящую! Не заслужил, что ли? Иногда надо не только о деле думать. Можно просто побрызгать ей на простыни, на руки в шрамах, не более. Ну, и на сонные щечки заодно тогда уж. Чисто символически. Может, немножко и в уголок глаза затечет... Приветик! Это чисто для подготовки к слезам, которые его скоро наполнят.

Тихо зажужжал прижатый к ляжке телефон, поставленный на вибрацию. Покопавшись в кармане, он извлек его, посмотрел на эсэмэску от Феликса, и настроение подскочило еще выше. Текст гласил:

«Есть! Я уговорил его прервать аренду за 10 шт., пообещал на будущее хорошие скидки. Завтра можно заключать новый договор. Въезжай хоть сейчас».

Ганс-Петер присел на ковер возле задрапированного бильярдного стола и набил несколько эсэмэсок – пальцем, который про себя именовал «цинковым»⁷. Ноготь на указательном пальце был искривлен – из-за того же генетического расстройства, по причине которого у него не росли волосы. Про «цинковый палец» он успел узнать, прежде чем его выперли с медицинского факультета по соображениям морального характера. К счастью, отец на тот момент уже не был способен задать ему за это хорошую трепку. Ноготь был острый; им очень удобно очищать безволосые носовые ходы, столь подверженные грибкам и спорам, а также пыльце колючего амаранта и сурепицы.

* * *

Кари Мора вдруг проснулась в полной темноте, сама не зная почему. Дело ведь было не в лесу, где она всегда рефлекторно просыпалась, слышав во сне любой тревожный шорох. Не поворачивая головы, обвела взглядом большую спальню. Все маленькие огоньки умиротворяюще светились – блок питания телевизора, термостат, часы, – но вот индикатор панели сигнализации горел почему-то не красным, а зеленым.

Пробудил ее коротенький писк, когда кто-то внизу отключил сигнализацию. А теперь огонек на панели еще и мигал, показывая, что кто-то этажом ниже прошел мимо датчика движения.

Натянув тренировочную фуфайку и штаны, Кари достала из-под кровати бейсбольную биту. Телефон, нож и газовый баллончик с останавливающим репеллентом – инструкция обещала, что он даже медведя отпугнет, – уже лежали в карманах. Выйдя в коридор, она подошла к лестнице и, нагнувшись, крикнула вниз:

– Кто там? Лучше прямо сейчас же отзовитесь.

⁷ Название белковой структуры, стабилизированной одним или двумя ионами цинка, термин из области биохимии и генетики.

Секунд пятнадцать – ничего. Потом снизу донесся ответ:

– Это Феликс.

Кари закатила глаза к потолку и лишь что-то прошипела сквозь зубы.

Включила свет, стала спускаться по закручивающейся спирали лестнице⁸. Биту она прихватила с собой.

У самой нижней ступеньки стоял Феликс, под одной из киношных фигур – зубастым космическим чудищем с планеты Зорн.

Вроде не пьян. Оружия в руках нет. Шляпу, правда, не снял, войдя в дом.

Кари остановилась в четырех ступеньках от него, чтобы не чувствовать на себе его свиных глазок. И на том спасибо.

– Неплохо было бы сначала позвонить, а уже потом заваливаться посреди ночи, – заявила она.

– У меня съемщики нарисовались, в самый последний момент, – отозвался Феликс. – Киношники. Хорошо платят. Они хотят, чтобы ты осталась, потому что ты знаешь дом. Может, и что-нибудь из еды приготовить понадобится, пока не знаю. Так что я тебе еще и приработку подкинул – не забудь потом отблагодарить. Подбросишь мне что-нибудь, когда они с тобой рассчитаются. У этих киношников денег куры не клюют.

– А что за кино?

– Не знаю. Мне как-то по барабану.

– И ты сообщаем мне все это в пять утра?

– Люди платят, хозяин – барин. – Феликс пожал плечами. – Они хотят попасть в дом еще до рассвета.

– Феликс, посмотри-ка на меня. Если это порнуха, то сам знаешь, что я на это отвечу. Если это так, я немедленно ухожу.

После того как на противоположном краю страны, в округе Лос-Анджелес, приняли закон под названием «мера Б», требующий использования презервативов при эротических съемках, производители порнофильмов стали дружно переезжать в Майами, где никто не препятствовал их свободе самовыражения.

У Кари уже были проблемы такого порядка с Феликсом.

– Не, не порнуха. Это типа «реалити чего-то там». Им понадобятся розетки на двести двадцать⁹ и огнетушители. Ты ведь в курсе, где все это искать?

Вытащив из внутреннего кармана пиджака изрядно помятое разрешение на проведение съемок, выданное властями Майами-Бич, он потребовал у нее рулон скотча, чтобы прилепить его на воротах.

Через пятнадцать минут Кари услышала подходящий с залива Бискейн катер.

– Огни на причале не включай, – распорядился Феликс.

* * *

Перед общественным взором Ганс-Петер большую часть времени исключительно чист и безгрешен – если случайный знакомый что от него и уловит, то разве что запах хорошего одеколона. Но когда Кари пожимала ему руку в кухне, то сразу учуяла исходящий от него запахок серы. Словно от горящей деревни, дома которой полны мертвецов.

Ганс-Петер заметил, как затвердела ее ладонь, и улыбнулся своей волчьей улыбочкой.

⁸ Наверное, стоит упомянуть, что дом Эскобара на западном берегу Майами-Бич действительно был – по адресу Норт-Бэй-роуд, 5860. Снесли его только в 2016 г. При сносе нашли два больших потайных сейфа – правда, без всяких сюрпризов. И винтовая лестница в нем тоже имелаась. Цвета он был розового, если что.

⁹ Напряжение сети переменного тока в США – 120 вольт, 220-вольтовые розетки, подключенные через конвертер, – большая редкость.

- Как общаться будем – по-английски или по-испански?
- Как хотите.

Чудовища сразу чувствуют, что их раскрыли, – примерно как гомики, скрывающие свою ориентацию. Ганс-Петер уже привык к реакции отвращения и страха, когда поведение его выдавало. Лучше всего, конечно, когда такая реакция переходит в судорожные мольбы более быстрой смерти... Некоторые распознавали его сущность быстрее остальных, тревожный гудочек в голове звучал почти сразу.

Кари просто смотрела на Ганса-Петера. Не моргала. В непроницаемо черных зрачках ясно читалось: девочка далеко не проста.

Ганс-Петер попытался разглядеть в них собственное отражение, но, к своему большому разочарованию, ничего не увидел. «Хороша! И не думаю, что она про это знает».

После мгновения мечтательности в голове опять сам собой зародился короткий куплет: «Глаза твои – как бездна, затягивают вниз. Сломить тебя непросто, но тем и слаще приз». А потом и по-немецки можно будет попробовать, с «*hörig*» вместо «сломить» – будет больше похоже на «поработить». Положить на мотив «Капусты со свеклой». Петь под душем. Может, и ей самой, если вдруг придется отправить ее на переработку – когда она сама будет молить об очищении.

Но в данный момент требовалось, чтобы она действовала по доброй воле. Представление начинается!

– Вы тут уже давно работаете, – начал он. – Феликс говорит, что вы отличный работник, знаете этот дом как свои пять пальцев.

- Пять лет уже за ним приглядываю. Чиню, если что поломается.
- Бассейн не течет?

– Нет, там всё в полном порядке. Можете пойти освежиться, если хотите. Питание там с отдельного щитка с автоматами, он на стене оранжеви.

Стоящий в углу человек Ганса-Петера, Бобби-Джо, не сводил глаз с Кари. Даже в тех культурах, где пристально разглядывать посторонних людей не считается чем-то неприличным, взгляд Бобби-Джо сочли бы крайне неприличным. Глаза у него были оранжево-желтые, как у некоторых черепах. Ганс-Петер взмахом руки подозвал его к себе.

Подойдя, Бобби встал слишком близко от Кари.

Ей была хорошо видна надпись «По самые помидоры!», косыми сиреневыми буквами наколотая у него сбоку на шее, под начинающим отрастать тюремным ежиком. На пальцах – буквы «LOVE» и «НАТЕ»¹⁰, на тыльной стороне руки – «Мануэла». Из-за непропорционально маленькой головы ремешок бейсболки затянут чуть ли не до упора и торчит далеко вбок. Кари при виде этого выступающего хвостика сразу кольнуло воспоминание о чем-то нехорошем – мелькнуло и тут же пропало.

- Бобби-Джо, волоки все тяжелое в павильон у бассейна, – распорядился Ганс-Петер.

Когда Бобби проходил мимо Кари, то якобы невзначай мазнул ей по ягодицам тыльной стороной руки. Она дотронулась до перевернутого латинского креста Святого Петра, свисающего с шеи на четках.

- Электричество и вода по всему дому включены? – продолжал расспросы Ганс-Петер.
- Да, – кивнула Кари.
- А есть двести двадцать?

– Есть. В прачечной и прямо за кухонной плитой. Еще в гараже зарядка для гольф-карта с двухсотдвадцативольтовой розеткой, над ней на крючке – два удлинителя. Пользуйтесь красным, черный не трогайте. На черном кто-то зубец заземления обломал. Рядом – два двадцатиамперных предохранителя. В павильоне у бассейна тоже надо автоматы включить.

¹⁰ «Любовь» и «ненависть» (англ.).

- А есть план дома?
- Архитектурный план и схема проводки – в библиотеке, в низеньком шкафчике.
- Сигнализация подключена к центральному офису или напрямую к полиции?
- Нет, она тут отдельная – просто к сирене на улице. Четыре зоны, двери и датчики

движения.

- Еда какая-нибудь в доме есть?
- Нет. А вы здесь и питаться собираетесь?
- Да. Кое-кто из нас.
- Ночевать тоже будете?
- Пока не закончим работу. Некоторые и есть, и спать будут здесь, в доме.
- Еду тут вообще-то развозят. Передвижные закусочные. Тут на улице кое-где строят,

так что они обслуживают рабочих. Неплохо кормят. Особенно в начале недели. Вы услышите – они сигналият, когда приезжают. Лично мне больше по вкусу «Комидас Дистингидас»; еще «Братья Салазар», говорят, тоже хорошая фирма. Последняя съемочная группа как раз у них питалась. У них на фургоне сбоку «Горячие закуски» написано. Могу дать их телефон, если вы хотите, чтобы они сюда специально заезжали.

– Я хочу, чтобы это вы нас обслуживали в плане кормежки, – сказал Ганс-Петер. – Сможете покупать продукты и один раз в день готовить плотный перекус? Ничего сервировать не надо, сгодится что-нибудь вроде шведского стола или буфета. Я хорошо заплачу.

В деньгах Кари всегда нуждалась. И на кухне чувствовала себя как рыба в воде, готовила быстро и аккуратно, как и все беднячки, сумевшие заполучить в Майами работу в домах богатей.

- Смогу. Считайте, что насчет готовки договорились.

С простыми работягами Кари тоже приходилось иметь дело – еще девчонкой-подростком она, начиная готовку чуть ли не с полуночи, часами стояла в подрезанных джинсах за прилавком передвижной закусочной, обслуживая роящихся вокруг плотников. Дела шли в гору. По опыту Кари, большинство мужчин, занимающихся тяжелым физическим трудом, – народ добросердечный и даже любезный. Просто вечно голодный, причем ко всему.

Но вид бригады Ганса-Петера из трех человек ей решительно не понравился. Натуральные уголовники, с грубыми тюремными татуировками, наколотыми машинкой из электрической зубной щетки и чернилами из жженой резины. В павильон у бассейна они затащили тяжеленный сверлильный станок с магнитной станиной и два отбойных молотка – и только одну единственную кинокамеру.

Женщины, работающие в сфере обслуживания, которым приходится иметь дело с сомнительными компаниями, отлично знают правило номер один – чем больше, тем безопасней. Как правило, если в такой компании более двух мужчин, то цивилизованность берет верх. Они не станут лезть к женщине, если только алкоголь не ударит им в голову. Но эта компания выглядела куда сомнительней обычного. Они тарасились на Кари, когда она повела Ганса-Петера к электрическим будкам, установленным в узком проходе между декоративной живой изгородью и высокой стеной, ограничивающей участок. Кари чуть ли не наяву слышала их мысли: «Хором ее, хором!» Но присутствие поблизости Ганса-Петера беспокоило ее даже больше этих придурковатых взглядов.

За живой оградой Ганс-Петер повернулся к ней лицом. Широколицый и улыбающийся, он напоминал белого горностая.

– Феликс сказал, что поменял четырех сторожей, прежде чем нашел вас. Все остальные боялись тут оставаться, всех этих жутковатых игрушек... А вам что, не страшно? Интересно было бы знать почему.

- «Не ведись на него, не отвечай», – подсказывал ей инстинкт.

Кари пожалала плечами.

– За продукты надо заплатить вперед.

– Я потом возьму, – сказал он.

– Мне нужны деньги прямо сейчас. Я серьезно.

– Да уж видно, что вы серьезная личность... По-моему, вы из Колумбии – у вас такой приятный испанский... А как вам удалось остаться в США? На основе «обоснованных опасений»? Иммиграционная служба повелась на ваши обоснованные опасения?

– Пожалуй, двести пятьдесят долларов на продукты пока хватит, – сказала Кари.

– Обоснованные опасения, – повторил Ганс-Петер, с наслаждением разглядывая ее лицо и воображая, как боль исказит его черты. – Все эти штуки в доме, весь этот реквизит из ужасиков не пугает вас, Кари. И почему, спрашивается? Да просто вы понимаете, что это не более чем продукт воображения простых обывателей, вздумавших напугать других обывателей, так ведь? Вы ведь видите это, Кари? Понимаете разницу? Вы ведь умеете отличать истину от выдумки – понимаете, что такое «истина»? *Las verdades, la realidad*? Как вы этому научились? Где вам доводилось видеть что-то действительно страшное?

– В «Пабликсе» продают неплохие чулеты¹¹, и мне надо еще предохранителей купить, – произнесла Кари и оставила его стоять под паутиной за живой изгородью.

– В «Пабликсе» продают неплохие чулеты, – произнес Ганс себе под нос голосом Кари. Имитировать голоса он был действительно мастер, иногда это даже пугало.

* * *

Кари отвела Феликса в сторонку.

– Феликс, я здесь на ночь не останусь.

– Но страховая... – начал было тот.

– Тогда сам здесь оставайся. Места навалом. А я займусь готовкой.

– Кари, да говорю тебе...

– А я тебе говорю. Если я останусь, обязательно случится какая-нибудь хрень. А тебе не понравится то, что произойдет потом, и им тоже.

¹¹ Чулета – говяжья, свиная или баранья котлета вокруг отруба реберной косточки.

Глава 5

– Дон Эрнесто хочет знать, что творится в старом доме Пабло, – объявил Капитан Марко. – Когда можно будет проверить?

Ранним утром Марко и еще двое сидели на рабочей площадке стоянки для маломерных судов, под огромной крышей открытого спереди лодочного эллинга. Ветерок трепал флаги на грузовых теплоходах, пришвартованных по берегам Майами-ривер. Катер Капитана Марко со скрипом терся о пирс, заваленный крабовыми ловушками.

– Могу заглянуть вместе с садовниками в семь утра, если у Клаудио тачка заведется, – отозвался Бенито. – По договору они хошь не хошь раз в две недели должны нас туда пускать – ветки упавшие убрать, травку постричь...

Бенито – старый, морщинистый. Только глаза светятся по-юношески. Толстыми, как бананы, пальцами он достал жестянку с табаком «Баглер», аккуратно и ловко свернул сигаретку, закрутил кончик и прикурил от кухонной спички, которую зажег о ноготь.

– Хесус Вильярреал божится, что золото там, в доме, – продолжал Капитан Марко. – Будто бы он сам привез его туда по приказу Пабло, на своем траулере, в восемьдесят девятом. Дон Эрнесто говорит, что съемочная группа, которая сейчас в доме, – это фуффло, им просто надо было в дом как-то попасть.

– Да уж, на море Иисус был как рыба в воде, все входы и выходы знал. – Бенито кивнул. – А я-то думал, его уже и в живых нету, как и Пабло... Думал, что вообще все уже давно в могиле, только я один и остался.

– Да ты еще сам кого угодно в могилу загонишь! – хохотнул Антонио, подливая старику в стакан из стоящей на столе бутылки. Сам Антонио еще молод, ему всего двадцать семь, – ладный крепыш в обтягивающей футболке с логотипом фирмы по обслуживанию бассейнов.

Трое собравшихся под крышей эллинга приглядывали за обстановкой в Майами по поручению своего наставника из Картахены, хоть это и не было их основным занятием. У всех были одинаковые татуировки, только в разных местах. Татуировка изображала колокольчик, прицепленный на рыболовный крючок.

Ветер нес над водой музыку из ресторана, расположенного дальше по реке, где-то под зубчатым силуэтом Майами на горизонте.

– И кто это туда втерся? – поинтересовался Антонио.

– Ганс-Петер Шнайдер со своими братками, – отозвался Марко.

– Встречал я этого Ганса-Петера Шнайдера... – проговорил Бенито. – Видел его когда-нибудь? Только посмотришь, и сразу ясно: больной на всю голову. Конченный отморозок.

– Он из Парагвая, – сказал Марко. – Говорят, очень опасный тип.

– Он и сам так считает, – кивнул Бенито, убирая жестянку с табаком в большой отвислый карман на груди своего рабочего комбинезона. – Сам видел, как он так вот запросто прострелил одному парню задницу – тот залез в дом Пабло на окраине Боготы, а Ганс-Петер как раз сам там шарил, деньги искал. Полный псих.

– У него тут бизнес, – поделился сведениями Антонио. – Без дела не сидит. У него парочка борделей в Майами – мотель «Рыбка» и еще один, возле аэропорта, – плюс в интернете сайт с девками вживую, что-то вроде видеочата. На самом пике у него было два реально крутых бара – «Теплое местечко» и еще один, назывался «Конгресс». Правда, с ними он погорел по-глупому – в отделе здравоохранения как-то прознали, что они там номера с телками наверху обслуживали, и округ отобрал у него лицензию на спиртное. «Мигра» пыталась прижать его за поставку девочек и мальчиков из-за границы... Так что теперь он формально не при делах, будто и нету его вовсе. Но все равно регулярно всплывает то тут, то там, и бабло у него водится.

Антонио частенько рыбачил с молодыми ребятами из полицейского управления, так что всегда был в курсе подобных вещей.

Он опрокинул в рот остатки из стакана.

– Завтра после восьми могу заглянуть в бассейн – типа он якобы течет. Можно потянуть время, повозиться, сколько надо.

– А кто там командует от агентства по недвижимости? По-прежнему Феликс?

Бенито кивнул.

– Тот еще гусь этот Феликс... Между прочим, панамка, в которой он на работу ходит, стоит пятьсот пятьдесят долларов плюс НДС – как тебе? Единственный плюс, что он там особо ни во что не вникает. А вот девчонка в этом доме реально классная. Просто чудо, а не девчонка.

– А то, – подтвердил Антонио.

– Нечего ей там делать, раз уж этот Ганс-Петер Шнайдер туда втерся.

– Я говорил с ней по телефону, на ночь она не останется, – сообщил Антонио.

– Все равно плохо, что она вообще Шнайдеру на глаза попалась, – вздохнул Бенито.

– Пойдешь туда завтра, – резюмировал Капитан Марко. – Я со своими ребятами выйду в залив на лодке около девяти, будем ставить крабовые ловушки. Сделаем вид, что запутали снасти, поболтаемся напротив. Будут проблемы, Бенито, сними шляпу и обмахивайся, типа тебе жарко. Тогда подгребем поближе. Если совсем припечет – якобы случайно сбей ее с головы. Вмиг подскочим, если понадобится. Как услышишь, что обороты на лебедке сбросили – значит, мы наготове. Только не лезем на рожон, ребята, дон Эрнесто просто хочет знать, что творится в доме.

На западе, где-то над болотами Эверглейдс, громоздились грозовые тучи, внутри которых пульсировали молнии. Силуэт Майами на востоке сверкал в закатных лучах, словно айсберг.

У самого борта краболовного катера в гавани вынырнула самка ламантина¹², отфыркалась. Прислушалась к тихому посапыванию детеныша, который появился на поверхности следом. Довольная услышанным, опять погрузилась в воду и исчезла из виду.

¹² Ламантин – травоядное водное млекопитающее размером с крупного тюленя. Несмотря на защитные меры, ламантины по-прежнему включены в список исчезающих видов.

Глава 6

Рано утром Бенито в компании приходящих садовников был уже на месте. Он как раз пропалывал сорняки вдоль самого уреза воды, когда услышал приближающийся с залива Бискейн экскурсионный катер. Старик быстро стрельнул взглядом на террасу второго этажа. Бандюган Умберто в черной майке, обтягивающей его выпирающую мускулатуру, тоже услышал звук мотора. В тот момент он затаскивал на террасу пыльную кинокамеру.

Бенито хорошо было видно глушитель винтовки «АР-15», торчащий дюйма на два над перилами. Старый садовник только покачал головой: «Ох уж эта молодежь! Какая беспечность! Хотя нет, что тут брюзжать по-стариковски? Дело не в молодости Умберто – он просто по жизни тупой, и никогда из этого не вырастет».

– Рефлектор не забудь! – крикнул Феликс накачанному балбесу откуда-то изнутри, из кондиционированной прохлады дома. На голове у Феликса была его знаменитая панама (пятьсот пятьдесят долларов плюс НДС), на самом деле изготовленная в Эквадоре.

Серо-зеленый залив Бискейн лежал под хмурым, затянутым облаками небом, а за ним возвышались башни центра Майами – всего лишь каких-то четыре мили хода по воде.

Экскурсионный катер был уже в трех участках от дома, двигаясь почти вплотную к берегу, вдоль знаменитого «Миллионерского ряда». Это была здоровенная понтонная лодка – прямоугольная платформа с диванами и креслами под матерчатым навесом, поставленная на цилиндрические поплавки. Из динамиков гремела какая-то разухабистая попса. Экскурсовод, судя по всему, раньше работал ярмарочным зазывалой. Его усиленный микрофоном голос эхом отскакивал от огромных домин на берегу, большинство из которых были уже заколочены на зиму.

– А сейчас слева от вас – дом великого музыкального магната Грини Перди! Приглянитесь как следует и увидите, как солнце отражается от целой стены золотых дисков, украшающих эту скромную берлогу!

Экскурсионная посуда уже почти поравнялась с Бенито. Над фальшбортом были хорошо видны бледные лица туристов.

Гид воткнул музыкальную тему из «Лица со шрамом» и продолжил вдохновенно вещать:

– А теперь трепещите от ужаса! Все эти ободранные зеленые навесы, выцветший конус ветроуказателя, заросшая сорняками вертолетная площадка, которые вы видите слева от себя, – это дом, некогда принадлежавший Пабло Эскобару! Наркобарону, убийце, миллиардеру, нажившему несметное состояние нечестным путем и застреленному полицией в Колумбии на крыше одного из тамошних домов!.. Никто здесь больше не живет. Дом время от времени сдается для киносъемок, пока его кто-нибудь не купит. Эй, ребята! Да нам, похоже, повезло! Вроде сегодня здесь опять чего-то снимают! А вон и кинозвезда! Видите?

Экскурсовод помахал Бенито. Тот поднял руку и тоже помахал с важным видом. Туристы, конечно, догадались, что никакая он не кинозвезда. Мало кто махнул ему в ответ.

Чуть дальше на зеленой поверхности моря двигалось суденышко Капитана Марко, сбрасывая в воду крабовые ловушки. Тарахтение его дизеля иногда заглушало восторженные вопли гида.

Умберто на террасе ослабил на камере какую-то барашковую гайку, потом туго закрутил ее опять – изображал бурную деятельность.

– Крышечку-то с объектива сними, балда! – воззвал из приятной прохлады дома Феликс, поправляя двухсотдолларовые темные очки. – Будь поубедительней!

– Можете купить дом Эскобара, если есть желание, – продолжал гид со скользящей мимо понтонной лодки. – Всего-то двадцать семь миллионов долларов, и он ваш. А теперь мы приближаемся к роскошному дому знаменитого фотографа Лесли Малленса!!! Вон он, четвертый

по счету. «Вокруг света восемьдесятю способами» – припоминаете? А по иронии судьбы, его ближайший сосед – Элтон Флит, телепроповедник и святой целитель, число адептов которого исчисляется миллионами по всему миру! Чудотворные сеансы исцеления в прямом эфире, которые он проводит из своего Собора-под-Пальмами, стяжали ему...

Экскурсионная посуда продолжала медленно продвигаться вдоль берега, и голос гида понемногу стихал.

Дом Эскобара тем временем сотрясся от отбойного молотка, загрохотавшего в подвале. С нижней террасы полетела пыль. Ящерицы быстро юркнули в ближайшие трещины.

Старик Бенито очень надеялся, что Кари Мора появится из дома. Было бы здорово увидеть ее, посмотреть на нее, услышать ее голос.

Пузыри на поверхности бассейна показывали, что Антонио, нацепив акваланг, по-прежнему шарит по дну, якобы отыскивая место утечки. Его присутствие еще больше утвердило Бенито в мысли, что Кари вот-вот появится. И впрямь – через несколько минут она действительно вышла из дома, одетая в мешковатый медицинский костюм, которые носят врачи и медсестры.

В руках у Каридад Мора были два запотевших стакана холодного чая, и – ЕСТЬ! – один из них она вручила Бенито. Он с удовольствием вдохнул ноздрями исходящий от нее чудесный аромат, смешавшийся с ароматом добавленной в чай мяты. Приподнял шляпу. Шляпа, увы, тоже пахла, так что он поскорей нахлобучил ее обратно.

– *Hola*¹³, сеньор Бенито, – произнесла она.

– *Mil gracias*¹⁴, сеньорита Кари. Чудесно выглядите сегодня. Впрочем, как и всегда.

«Ничего удивительного, что ее двоюродная сестра завоевала титул «Мисс Гавайские тропики», причем не где-нибудь, а в пафосном Никки-Бич-клубе, – подумалось Бенито. – Кари тоже надо было участвовать, она бы там запросто всех за пояс заткнула, если б не шрамы на руках. Хотя что шрамы? Всего лишь черточки на золотисто-бронзовой коже. Скорее экзотика, чем уродство. Как змейки на пещерных рисунках. Опыт нас только украшает...»

Кари улыбнулась ему; Бенито чувствовал, что она видит его насквозь. От ее взгляда даже слегка перехватило в горле – словно чарку крепчайшего рома хватил или забористой травы пыхнул. Так только от взгляда его любимой Люпе перехватывало, сорок лет назад.

Бенито посмотрел ей прямо в глаза:

– Кари?

– Да, *mi señor*?

– Тебе надо быть поосторожней с этой публикой.

Она ответила ему таким же прямым взглядом:

– Знаю. Спасибо, сеньор Бенито.

Кари приостановилась у бассейна, приглядываясь к следу пузырьков на поверхности. Стащила туфельку, опустила ножку в воду и тронула ею голову ползающего по дну Антонио. Тот суматошно высунулся из воды, отфыркиваясь и отплевываясь в притворном испуге, – облепленный мокрой футболкой, под левым ухом болтается черный готический крестик.

Кари поставила стакан на кафельные плитки у края бассейна.

Антонио стянул маску, ухмыльнулся во всю ширь.

– *Gracias, Guapa!!!*¹⁵ Эй, нам нужно поговорить! Знаешь что? У меня есть билеты на Хуана, в «Хард-рок»! Отличные места! Если ближе, то он выпадет со сцены, заглядевшись на тебя! Концерт, а потом ужин, что скажешь?

Она покачала головой, не успев он еще закончить:

¹³ Привет!

¹⁴ Большое спасибо.

¹⁵ Спасибо, красотка! – *Здесь и далее – пер. с исп., если не указано иное.*

– Нет, Антонио. Куча девушек с радостью примут твое приглашение. А я не могу.

– Но почему?

– Потому что ты женат, вот почему.

– Детка, да какая там жена? Это чисто для грин-карты. Мы даже с ней не...

– Жена есть жена, Антонио. Спасибо, но нет.

Под страдающим взглядом Антонио она направилась обратно к дому.

– Спасибо за чай, *Guapa*, – пролепетал тот.

– Следи за манерами, Антонио! – крикнул ему Бенито издали. Он улыбался. – Для тебя – принцесса *Guapa*!

– *Discúlpeme!*¹⁶*Gracias, Princesa Guapa!* – завопил Антонио ей вслед.

Она рассмеялась, но даже не обернулась.

Бенито надолго приткнулся к стакану, потом поставил его на парапет.

«Классно, прямо как молодость вспомнил. Да и чаек отличный».

Позади него в центре бассейна возвышалась гипсовая копия Ники Самофракийской – голова, как и положено, отсутствует, крылья за спиной широко распахнуты. Предыдущий владелец дома был искренне убежден, что приобрел ее в Лувре.

Бенито посмотрел на Нику, задумался.

«Интересно, утратила ли она вместе с головой свое стремление летать или же я до сих пор вижу его в мареве горячего воздуха над обрубком ее шеи? Или, может, оно по-прежнему прячется у нее в сердце – там, где мы храним стремления и мечты? Опять стариковские мысли, ну их в баню... Хотя интересно, Кари до сих пор хранит в своем сердце какие-то мечты после всего, что ей довелось повидать? Мне тоже кое-что довелось повидать. Надеюсь, сердце у нее побольше и повместительней, чем у меня».

В полдень на подъездной дорожке дома появилось уберовское такси – Кари Мора привезла целую гору пакетов с продуктами. Водитель помог ей вытащить их из багажника и поставить на газон. Бенито быстро отложил тляку и подхватил четыре пакета – на вид самые тяжелые.

– Спасибо, сеньор Бенито, – улыбнулась она.

Вместе прошли через боковую дверь в дом – в солярий с огромным какаду в клетке. Чтобы привлечь к себе внимание, птица перевернулась на жердочке вниз головой и клювом подхватила подложенную в клетку газету, отчего рассыпанные по ней семечки и шелуха посыпались на пол.

Бенито и Кари занесли продукты в кухню. Там было шумно – шум доносился откуда-то снизу, где работали какие-то электроинструменты. Из двери прачечной змеился красный удлинитель, пропадая на ведущих в подвал ступеньках. Еще один шнур был воткнут в розетку где-то за кухонной плитой. Бенито захотелось заглянуть в подвал. К стене привалились несколько ацетиленовых баллонов, которые еще не успели спустить вниз. Он поставил четыре пакета с продуктами на кухонную стойку и направился было к открытой двери, чтобы спуститься в подвал, как оттуда вдруг появился Умберто.

– Какого хера ты тут забыл? – рявкнул бугай.

– Продукты принес, – ответил Бенито.

– Вали на хрен отсюда. Посторонним тут нельзя. – И тут же Кари: – Я ведь предупреждал. В дом никого не пускать!

– Я просто принес продукты, – повторил Бенито. – А ты следи за своим поганым языком, тут дамы. Мог бы и сам принести, если силенок хватит.

Не самое разумное замечание. У стариков иногда что на уме – то на языке, и чихать на возможные последствия. Бенито быстро сунул руку в нагрудный карман комбинезона.

¹⁶ Простите!

Умберто точно не знал, что у него там может быть в кармане. А Бенито вообще-то носил на груди выдавший виды «Кольт» модели 1911A1 – самозарядный пистолет калибра.45, переделанный под более мощные патроны.460 «Роулэнд», подарок любимого племянника, которому надоело пулять из него по арбузам. Бенито всегда держал эту машинку на боевом взводе – просто на предохранителе.

«Дедок-то, похоже, малость с приветом», – опасливо подумал Умберто. Но вслух сказал: – Посторонним вход воспрещен. Ее могут уволить за то, что она тебя впустила. Хочешь, чтобы я звякнул боссу?

Кари повернулась к Бенито.

– Спасибо, *mi señor*, – произнесла она. – Все нормально. С остальным я и сама справлюсь.

– На первый раз прощаю, – буркнул Бенито прямо в физиономию Умберто и вышел из кухни.

Вдоль причальной стенки, возле которой он ковырялся тяпкой в сорняках, волной промчался большой косяк тупомордых каранксов, охотящихся за кефалью. Бенито даже почувствовал их запах и перегнулся через парапет, чтобы посмотреть, как мощные рыбыны проносятся мимо, дергая остроконечными раздвоенными хвостами, а рыбки помельче и оставшиеся от них ошметки взлетают в воздух в облачках брызг. С воды поднимался маслянистый запах, похожий на запах мочи. «Прямо как мы, – подумал Бенито. – Убивают и пожирают друг друга в точности как мы».

Сквозь подошвы башмаков он чувствовал, как в подвале тархтит отбойный молоток.

А потом дрожащая земля вдруг подалась под тяпкой, перепутанные корнями комья повалились куда-то вниз. Теперь он смотрел прямо в большую дыру, образовавшуюся в газоне – у самого края круто спадающей в море стенки волнолома. Дыра была размером с его шляпу. Далеко внизу под газоном сквозь нее проглядывала тускло отсвечивающая черная вода, которая вздымалась и опадала в темном подземелье. Он отступил к бетонным плиткам на краю двора, прислушиваясь к утробному бульканью воды, затягиваемой откуда-то из-под омываемой морем стенки. Дыра источала запахи, вздыхала, отрывая вонь протухшего мяса.

Бенито поднял взгляд на верхнюю террасу. Феликс, который делал очередное внушение Умберто, стоял к нему спиной. Бенито быстро выхватил из кармана комбинезона мобильник, включил камеру. Упал на колени рядом с дырой. С удивительным для пожилого человека проворством засунул руку с телефоном в дыру и два раза защелкнул невидимое ему подземное пространство, отворачиваясь от воню.

Феликс по-прежнему что-то вещал на балконе.

Бенито тихонько свистнул Антонио, стоящему возле бассейна. Тот оставил стакан с холодным чаем и отошел от воды. Проследовал за Бенито в закуток за павильоном у бассейна, где возвышались разномастные стопки запасных кафельных плиток, шифера и черепицы.

– Хватай кусок шифера – прикроем эту дыру, и сразу возвращайся к работе, – сказал Бенито.

– Позвонишь Марко? – спросил Антонио. Отвернувшись, он посмотрел на крабовый катер, вырисовывающийся на глади залива. Экипаж открывал бочку с наживкой, и над палубой кружили чайки и пеликаны.

Бенито и Антонио аккуратно накрыли дыру принесенным шифером.

– Иди по бетону, на траву не ступай – может, еще где-то есть пустоты, провалишься, – приказал Бенито. – Двигай обратно к бассейну.

Подхватив горшок с каким-то растением, старый садовник водрузил его поверх шифера. Он уже обкладывал его по бокам землей, когда услышал подходящего сзади Феликса.

– Чё это ты тут, блин, делаешь? – спросил тот.

– Ямку прикрываю, земля немного просела. Сейчас принесем землицы, и...

– А ну дай-ка гляну. Открывай.

Яму почти полностью перекрывали перепутавшиеся корни.

– Млять, – буркнул Феликс и вытащил свой мобильник. – Принеси-ка мне какую-нибудь подушку из бассейна. Да поживей.

Встав коленями на диванную подушку, чтобы не запачкать свои льняные брюки, он просунул руку в дыру и тоже сделал снимок. Затем распорядился:

– Закрывай обратно и горшок сверху ставь.

– Как было? – спросил Бенито.

Феликс засунул телефон обратно в брючный карман и вытащил оттуда еще один недорогой аксессуар – разукрашенный затейливой резьбой пружинный нож, за который некогда выложил четыреста долларов. Выщелкнул лезвие, почистил ногти. Поднял нож повыше и, поглядывая на Бенито, убрал клинок обратно в рукоятку. Другой рукой протянул сложенную стодолларовую купюру.

– *Silencio sobre esto, Viejo. Me entiendes?*¹⁷

Бенито посмотрел ему прямо в глаза. Чуть выждал перед тем, как схватить купюру и сжать ее в кулаке.

– *Claro, señor.*¹⁸

– А теперь ступай к воротам, помоги им там.

Антонио вытаскивал из своего рюкзака набор красителей, применяющихся для локализации утечек, когда Феликс безапелляционно приказал:

– Собирай манатки и двигай. На сегодня твоя работа закончена.

– Но я еще не определил, где течет!

– Собирай барахло и проваливай. Я позвоню, когда ты понадобишься.

Антонио выждал, пока Феликс не отойдет, и только тогда снял ласты. На подошве ступни у него была татуировка – колокольчик на рыболовном крючке, а рядом – группа крови. Быстро натянул туфли.

А в доме тем временем Кари выпустила большого какаду из клетки. Тот сидел у нее на руке, тарашась на ее серьги, когда зазвенел дверной звонок. Она прошла мимо затянутой в чехлы мебели и музыкального автомата к боковому выходу, все еще держа птицу на руке. У двери ее дожидался Антонио. Он быстро огляделся по сторонам.

– Послушай, Кари. Тебе надо отсюда уходить. Но пока оставайся внутри. Ничего не замечай. Изображай полную дурочку, пока они сами тебя не прогонят, – слышишь, что я говорю? Если до конца дня они тебя не уволят, заberi эту птичку к себе домой. Скажи, мол, ей пылью дышать вредно. А дома скажись больной и больше не возвращайся.

– Пошупай-ка это, *Mamacita*¹⁹! – хрипло сказала птица.

И тут из-за угла быстро вывернул Феликс, весь в мыле.

– Я же сказал тебе уматывать на хер, двигай отсюда!

Антонио повернулся к нему всем телом:

– И ты этой пастью свою маму целуешь?

– Вали давай, – рявкнул Феликс и, спотыкаясь, бросился дальше, делая вид, будто полностью поглощен возней с мобильником.

Пикап Антонио с эмблемой фирмы по обслуживанию бассейнов стоял бок о бок с фургоном бригады садовников. Трое из них подбирали опавшие пальмовые лапы, четвертый обрабатывал жужжащим триммером края длинной подъездной дорожки. Когда Антонио забросил остатки своего снаряжения в кузов, то увидел стоящую на парадном крыльце Кари. Птица по-прежнему сидела у нее на руке. Улыбнувшись, Кари помахала ему на прощание.

¹⁷ Никому ни слова, старина. Ясно?

¹⁸ Конечно, сеньор.

¹⁹ Мамаша.

Скрывшись за домом, Феликс потыкал в кнопки мобильного и набрал нужный номер.

Глава 7

Когда Ганс-Петер Шнайдер и Бобби-Джо-Желтые-Глаза на принадлежащем Бобби-Джо пикапе подъехали к дому Эскобара, то обнаружили, что подъездная дорожка перекрыта фургоном садовников. Бобби-Джо это не смутило – он подвез Ганса-Петера к самому крыльцу, проехав прямо по газону и цветочным клумбам.

Пикап у Бобби-Джо – лифтованный, высоко торчащий над землей на раскоряченных колесах, с фальшивым кенгурятником из хромированного пластика и подвешенной к буксирному фаркопу резиновой мошонкой с яйцами. На бампере наклейка: «Если б я знал, что так будет, то сам бы убирал этот долбаный хлопок»²⁰.

Феликс уже спешил им навстречу. Сорвал с головы панаму.

– *Patrón*²¹, – почтительно обратился он к Гансу-Петеру.

– Кто это обнаружил? – Тот уже решительно шагал к садику у причала. Из-за жары на нем были легкий льняной костюм и черные сандалии-гуарачи в тон кожаному ремешку наручных часов.

– Старик, который пропалывал сорняки. – Феликс ткнул пальцем в Бенито, который вместе с остальными садовниками убирал инструменты в фургон. – Он ничего не просек, я уже его обработал.

Какое-то время Ганс-Петер внимательно изучал Бенито.

– Показывай эту дыру, – распорядился он наконец.

Подойдя к выходящему на море парпету, Феликс с Бобби-Джо сдвинули шифер в сторону. Ганс-Петер чуть отступил, брезгливо разогнал ладонью воздух перед носом.

Феликс показал Гансу-Петеру фотку, которую сделал, опустив мобильник в дыру. Уже успел перекинуть ее на «Айпэд».

Море, подмывающее стенку, образовало под выходящим на залив двориком полость, которая простиралась чуть ли не до самого дома. Древесные корни свисали с потолка этой подземной пещеры, словно перекореженные перевернутые канделябры. Держался дворик, судя по всему, только на забитых еще при постройке сваях, усеянных шишковатыми наростами. При данном уровне прилива вода не доходила до потолка пещеры примерно фута на четыре. Размыв обнажил останки захороненной под двориком железной баржи-грязнухи – напоминание о землечерпательных и намывных работах, которых много было сделано в свое время по берегам Майами-Бич.

В дальнем конце темной пещеры, до которого едва достала встроенная вспышка камеры мобильного, полого поднимающееся под водой дно образовывало нечто вроде пляжика. На нем проглядывал здоровенный сверкающий куб – габаритами побольше холодильника, едва заметный на фоне фундамента дома. Феликс развел пальцы на экране «Айпэда», увеличивая картинку. Рядом с кубом, у самой воды, лежали человеческий череп и задняя половина собаки.

– Пока мы копались в подвале, море все раскопало до нас, – буркнул Ганс-Петер Шнайдер. – *Gott mit uns!*²² Да туда целая тонна золота влезет! Кто еще про это знает?

– Никто, сеньор. Остальные садовники работали у входа. А этот старикан – просто тупоголовый *bracero*²³.

– Может, это как раз ты тупоголовый... или «ты тупоголов»? Никак не могу запомнить эту английскую грамматику... Попадался мне уже этот старый пень! Задержи его. А остальные

²⁰ Оскорбительная надпись с расистским подтекстом, обычно сопровождается флагом Конфедерации.

²¹ Хозяин, начальник.

²² С нами Бог! (Нем.).

²³ Работяга.

пускай домой едут. Скажи старику, что, мол, просим его немного нам пособить. Что сами его потом домой отвезем.

Неподалеку на заливе громко тарахтящий катер по новой ставил краболовный порядок²⁴ с начиненными свежей наживкой ловушками – двое матросов, работая в размеренном ритме, с двадцатифутовым интервалом сбрасывали их с кормы в воду.

Капитан Марко в рубке не сводил бинокля с прибрежного садика у дома Эскобара, поэтому сразу засек появление там Ганса-Петера и остальных. Увидел и то, как Феликс с Бобби-Джо привели туда Бенито.

– Родриго, сбрасывай порядок, – распорядился Капитан Марко. Мотнул подбородком на дом: – Тревога, *tuchachos*²⁵. Приготовились! Если Бенито реально припечет, придется гнать на всех парах.

А во двореке тем временем Бенито уже стоял перед Гансом-Петером.

– Я тебя знаю, – сказал тот.

– Все старики на одно лицо, сеньор. А вот я вас пока что не припоминаю.

– Снимай рубашу!

Бенито не повиновался. Вмешались Бобби-Джо, Умберто и Феликс – заломили ему руки за спину и стянули одноразовыми пластиковыми стяжками-хомутами.

– Снимайте, – распорядился Ганс-Петер.

Феликс с Умберто сорвали с Бенито рубашку, выдернув ее прямо из-под лямок комбинезона. Бобби-Джо хлопал его по боковым карманам, но заглянуть в нагрудный не догадался. Больно ткнул пальцем в потускневшую татуировку, едва проглядывающую на грудной клетке Бенито. В колокольчик на рыболовном крючке.

Ганс-Петер удовлетворенно кивнул:

– Воровская школа «Десять колокольчиков».

– Да молодой был, глупый... Видите, она уже совсем выцвела.

– Феликс, он из дон-эрнестовских, – объявил Ганс-Петер. – И это ты его нанял, Феликс! Бери-ка Бобби-Джо, и отвезите его прокатиться.

С борта краболовного катера Капитан Марко увидел, как с Бенито сорвали рубашку, увидел пистолет в руке у Бобби-Джо. Вытащил мобильник.

Антонио, сидящий в кабине рабочего пикапа в полумиле от дома, ответил на звонок.

– Антонио, один из *pendejos*²⁶ Шнайдера собирается грохнуть Бенито. Надо его выручать. Я двигаю к причалу – прикрою его на случай, если он спрыгнет в воду.

– Уже еду, – бросил в трубку Антонио.

Он так втопил педаль газа, что старенький пикап жалобно взвыл. Вскоре впереди показалась автобусная остановка, на которой толпились садовники и горничные из окрестных домов. Все терпеливо дожидались неспешного автобуса, чтобы отправиться по домам. Антонио подтрунил к ним. Кое-кто из собравшихся сразу его узнал. «Привет, Антонио!»

– *Transporte libre!* – завопил Антонио. – *Voy a transportar cada uno de ustedes a su casa!*²⁷ Доставка прямиком до дому! И перекусим заодно! *Vengan conmigo! Vamos a parar en Yumbo Buffet. Podemos comer todo lo que queremos!*²⁸ Плюс с собой можно взять! Бесплатная доставка прямо до дверей. Подкрепиться можно прямо по дороге! *Todo libre!!!*²⁹

²⁴ Порядок – длинный (нередко более километра) трос с поплавками, к которому более короткими отрезками троса (поводками) крепятся корзины-ловушки.

²⁵ Парни.

²⁶ Говнюков, засранцев.

²⁷ Бесплатный транспорт! Всех развезу по домам!

²⁸ Поехали со мной! Остановка у буфета «Джумбо»! Все, что только душа пожелает!

²⁹ Все бесплатно!!!

– Антонио, *no manejas borracho?*³⁰

– Не, не! Я не поддатый. Могу дыхнуть. Ну давайте же, залезайте!

Желающие доехать до дома с комфортом набились в пикап. Двое – в кабину к Антонио, и еще трое в кузов.

– Но сперва надо еще одного человечка забрать, – объявил Антонио.

* * *

Прихватив большую упаковку туалетной бумаги и несколько электрических лампочек, Кари Мора поднялась по лестнице наверх. В спальнях – полный кавардак, на полу ванной валяются полотенца и распахнутый порножурнал. На единственной заправленной кровати раскиданы комиксы все того же скабрёзного содержания и разобранный на части «АК-47». Между двух снаряженных рожковых магазинов лежит завалившаяся набок жестянка с оружейным маслом, от которой расплывается жирное пятно. Подхватив жестянку двумя пальчиками, она поставила ее на комод.

В этот момент загудел ее мобильник. Звонил Антонио.

– Кари, срочно спрячься где-нибудь. Приготовься сматывать. Они взяли Бенито на мушку. Я еду за ним. Марко подходит с моря, – выпалил он одним духом и отключился.

Кари выглянула наружу в высокое окно спальни. Увидела, как Бобби-Джо тычет в Бенито дулом пистолета.

Хлоп-хлоп, щелк-щелк – и газовая трубка «АК-47» в руках Кари моментально встала на место.

Поставив курок большим пальцем на боевой взвод, чтобы не мешал³¹, она одним движением задвинула на место затворную раму с затвором, за ней – волнистую пружину возвратного механизма. Защелкнула крышку ствольной коробки. Передернула затвор, нажала на спусковой крючок, вхолостую щелкнув курком. Вставила рожковый магазин, загнала патрон в ствол.

Готово – на все про все сорок пять секунд. Вернулась к окну. Мушка плавно подкатилась к шишковатому затылку Бобби-Джо. В этот момент въездные ворота начали открываться.

Проехав в ворота, Антонио набрал на мобильнике номер Марко, включил громкую связь и сунул телефон в нагрудный карман. Увидел, как Умберто укладывает в кузов пикапа Феликса три бетонных блока и моток проволоки. Бенито стоял возле пикапа, рядом – Бобби-Джо и Феликс. Руки у старика за спиной – судя по всему, связаны. Антонио подъехал ближе, вылез из кабины и направился к ним.

Заметив набитый народом пикап Антонио, Бобби-Джо потихоньку спрятал руку с пистолетом за спину.

– Эй, Бенито! Здравствуй, сеньор! Я ведь вроде обещал отвезти вас домой! – жизнерадостно воскликнул Антонио. – Простите, совсем забыл!

– Мы сами его отвезем, – буркнул Феликс.

Пассажиры Антонио во все глаза наблюдали за происходящим.

– Нет уж, сеньор! – громко объявил Антонио. – Я обещал его супруге Люпе доставить его домой к ужину трезвым как стеклышко!

Набившиеся в пикап покатались со смеху. Разве что один-другой потом призадумались: как же так, ведь Люпе уже много лет как нет в живых!

³⁰ Ты не пьяный за рулем?

³¹ Наверное, многие помнят, что при нормальной разборке «калаша» курок остается на боевом взводе и не мешает установить затворную раму с затвором, но у автора так. Очевидно, кто-то из братков Шнайдера, разобрал автомат, случайно нажал на спусковой крючок.

– *Sí*, – слышались крики. – *Cierto!* Еще бы! Люпе просто убьет тебя – как и любого, кто поднесет тебе выпить!

Бобби-Джо бочком придвинулся к Антонио и прошипел сквозь зубы:

– Ушлепывай отсюда.

– Хочешь пристрелить меня при свидетелях? Валяй, мутила, – негромко отозвался Антонио.

На крыльце появился Ганс-Петер Шнайдер. Бобби-Джо с Феликсом вопросительно уставились на него. Шнайдер незаметно покачал головой. Феликс зашел Бенито за спину и украдкой перерезал пластиковые стяжки. Ганс-Петер спустился по ступенькам и вручил Бенито увесистую пачку банкнот.

– Вы понадобятся через две недели, *comprendes?* Тогда еще столько же получите. Не вижу препятствий к нашему дальнейшему сотрудничеству.

Пока Бенито забирался в кузов, пассажиры пикапа возбужденно гомонили.

Антонио опустил голову к телефону в нагрудном кармане:

– Где Кари?

– Уже звонила. Она выйдет черным ходом, заберу ее на причале. Двигай! – отозвался Марко.

Усевшись за руль, Антонио задним ходом покатыл к воротам. Выставив вперед ладони, Ганс-Петер успокоил своих людей.

– Пусть едут.

Вооруженная автоматом Кари быстро сбежала вниз по загибающейся винтом лестнице. Никого по дороге не встретила. Вытащила попугая из клетки и посадила себе на плечо.

– Держись покрепче. И оставь в покое мои серьги, – сказала она, пятясь через дворик к морю. Поджидающий ее краболовный катер, подрабатывая двигателем, уткнулся носом в причал так плотно, что трещали доски.

Передав автомат Марко, она перепрыгнула на палубу – попугай суматошно захлопал крыльями. Катер, завывая мотором и баламутя воду, незамедлительно дал задний ход. Марко обводил стволом автомата окна дома, но никто не показывался.

Антонио отъехал от дома, и тяжелые ворота сомкнулись за набитым до отказа пикапом.

– Тебе что, рубаху собаки драли? – обратился к Бенито мужичок, присевший на запасное колесо. – В «Джумбо» тебя в таком виде в жизни не пустят!

Глава 8

Капитан Марко с Бенито и Антонио опять расположились под крышей все того же открытого эллинга. Площадку освещал единственный прожектор, установленный на высоком столбе. Всего пять минут дождя – и уже пахнет сырой землей. Капающая с карниза вода пробила в грязи ровную пунктирную линию.

– Думаешь, Феликс – и нашим, и вашим? – спросил Капитан Марко.

Бенито пожал плечами:

– Не исключено. Вроде бы и попросил помалкивать по-человечески, и хороших денег дал, а ножик все равно засветил. Намекнул типа. Хотя по мне, так он может этот ножик себе в очко засунуть. Правда, наверняка у него там такая дыра, что еще и эти его шикарные очки влезут.

– Кстати о дырах, – перебил его Капитан Марко. – Та, что под патио, до самого дома тянется?

– Не знаю, но она очень глубокая. Море копало там, где фэбээровцы не догадались. Слышно, как там вода чмокает, полость где-то под причальной стенкой начинается.

Над голой лампочкой над головами собравшихся кружили большие мотыльки. Один сел на голову Антонио. Почувствовав, как лапки насекомого щекочат лоб, тот смахнул мотылька прочь.

Капитан Марко налил всем понемножку рома и выжал в свой стакан дольку лайма.

– Они там надолго?

– Разрешение на съемки, прилепленное к воротам, выдано на тридцать дней, – ответил Антонио. – На имя какого-то Александра Смута из «Смут продакшнс».

Бенито просто протер лаймовой долькой ободок стакана. Ром был отличный – восемнадцатилетний «Флор де Канья», и вкус выдержанного напитка заставил его на одну счастливую секунду прикрыть глаза. После долгих лет он словно вновь ощутил этот вкус на губах у Люпе, будто бы она вдруг опять оказалась тут, рядом.

Когда все увидели появившуюся из конторы лодочной стоянки Кари, Бенито сразу же приготовил для нее стаканчик рома с лаймом на ободке, а Антонио подтащил к столу еще один плетеный стул. Большой какаду, который по-прежнему сидел у нее на плече, перелез на спинку стула. Кари предложила ему виноградину из стоящей на столе миски.

– Пощупай это, *Mamacita!* – сварливо проговорила птица. Судя по лексикону, предыдущая жизнь у нее была весьма пестрой.

– Ш-ш! – утихомирила ее Кари, поднося к кривому клюву еще одну виноградину.

– Теперь тебе надо держаться оттуда подальше, – сказал Бенито. – Ганс-Петер тебя попросту продаст, ты это понимаешь? Он никогда не поверит, что ты не из наших.

– Знаю.

– Он в курсе, где ты живешь, помимо этого дома?

– Нет, и Феликс тоже.

– У тебя есть где остановиться? – спросил Бенито.

– У меня есть свободная комната, – поспешно встрял Антонио.

– Все нормально. Есть у меня где жить, – ответила она.

Капитан Марко бросил на стол скатанные в рулон строительные планы дома.

– Кари, ты вообще в курсе, что там происходит?

– Они понаделали дыр в стенах и раздолбали весь подвал. Ищут что-то, – отозвалась она. – Хотя нетрудно представить, что именно. Наверняка то же самое, что и вы.

– А ты знаешь, кто мы?

– Думаю, что да. Для меня вы – мои друзья сеньор Бенито, Антонио и Капитан Марко. Мне этого вполне достаточно.

– Так ты с нами? – спросил Марко.

– Пожалуй, что нет, но я хочу, чтобы вы победили, – ответила Кари. – Могу рассказать вам ту малость, которую я знаю, а вы можете не выкладывать свои секреты, которые мне придется хранить.

– Так что ты видела в доме?

– Ганс-Петер Шнайдер пару раз имел разговоры на повышенных тонах по телефону, с каким-то Хесусом. Звонил в Колумбию, по карточке. *Mucha lucha*³². Все твердил: «Где оно?» Потом с металлоискателями весь дом обшарили, от чердака до самого подвала. В фундаменте полно железной арматуры, так что пару раз долбили в этих местах. У них тяжеленный сверлильный станок с магнитным основанием и два пневматических отбойных молотка.

– И что ты могла о них подумать после такого погрома?

– Феликс сказал: типа не переживай, вся ответственность на мне, это на меня тут все записано. Я сказала: давай то же самое, только в письменном виде. Он отказался. Видать, увидал, сколько у этого Шнайдера денег. Наличных. Я тоже видела. По мне, так деньги немалые.

– Он тебе тоже заплатил?

– Ой, куда там! Просто размахивал пачкой, а выдал только строго на продукты. У меня тут новая эсэмэска от Феликса. Вот что пишет: «Босс тебя больше видеть не хочет, но ты можешь прийти за деньгами. Или можем отправить тебе их домой, если дашь адрес, или пересечемся где-нибудь при удобном случае...» Ну да, ща, разбежался!

– Кто-нибудь видел, как мы тебя оттуда увезли?

– Не думаю, но точно не знаю. По-моему, все тогда были у ворот.

– И ствол их у нас, – заметил Марко. – Соскучились по нему небось... Ну ладно, не исключено, что скоро они его опять увидят.

– Пойду я, пожалуй, – сказала Кари.

Антонио поспешно вскочил.

– Погоди-ка минутку, Кари; не знаю уж, куда ты собралась, но давай я тебя хотя бы провожу!

– Там возле причала есть очень удобный диванчик, – заметил Марко, не глядя на них.

Антонио вынес ей ее стакан и вернулся к столу.

– Шнайдеру теперь придется быть поосторожней, – заметил Капитан Марко. – Если *federales* просекут, что он шарит в Майами-Бич, то мигом прижмут к ногтю.

Марко раскатал на столе несколько листов со строительными планами, прижал по сторонам бутылкой рома и кокосовым орехом.

– Адвокат Пабло предоставил этот план городу – несколько лет назад, когда они получали разрешение на переоборудование двора с причалом, – сказал Капитан. – Вот смотрите – это бетонные сваи с поперечными балками. Потому-то всё и не обрушилось, когда вода подмыла дворик. Ты видел фотку, которую сделал Феликс?

– Только мельком, через плечо, – отозвался Бенито. – Он старательно прижимал телефон к своей цыплячьей груди. – У меня вот только такая есть. Хотя чего ты хочешь от обычного телефона-раскладушки?

– Этот ящик, который ты видел, – он большой?

Старый садовник ткнул в план своим толстым пальцем:

– Ящик примерно вот тут. Для масштаба у меня был только череп, да и картинка мутная. Пожалуй, побольше очень большого холодильника. Вроде той здоровенной машины для приготовления льда на рыбном рынке «Касабланка».

³² Было много шуму.

– Пещера большая, так что дыра в волноломе тоже должна быть большая, – заметил Антонио.

– Достаточно большая, чтобы вытащить такую машину, как на рынке? – скептически отозвался Капитан.

– Начо Непри запросто вытащит, со своей большой баржи с мощной лебедкой, – ответил Антонио. – Он лебедкой и краном и посерьезней штуки тягает, все-таки камень возит... Если мы его уговорим.

– Надо посмотреть на ту дыру под причальной стенкой. Какая там глубина во время прилива? – спросил Капитан.

– У самой стенки футов восемь, – ответил Антонио. – Могу заглянуть из-под воды, со стороны залива.

– Катер понадобится?

– Нет, я могу попасть туда с суши, с соседнего участка, где сейчас бассейн делаю. Там будет удобно в воду слезть.

– Завтра высшая точка прилива – за полчаса до заката, – сказал Марко. – Очень удачно. Облачности по прогнозу не предвидится. Лунная дорожка с залива будет им прямо в рожи светить, даже еще и водорослей приливом нагонит. Только не лезь в эту дыру, Антонио. Просто проскользни под травой и загляни внутрь. Баллоны заправлены?

Антонио кивнул и поднялся уходить.

Старый садовник приветственно поднял стакан:

– И да, Антонио. *Gracias*, что подвез.

– *De nada*³³, – отозвался тот.

– Хотя, должен сказать, кормить всю эту ораву в «Джумбо» стало мне в копеечку, – заметил Бенито. – И там пузо набили, и с собой еще взяли... Ни стыда ни совести. Антонио... *escúchame joven*³⁴: будь поосторожней. Бобби-Джо будет тебя искать.

– Если Бобби-Джо действительно такой невезучий, то он меня действительно найдет, – улыбнулся Антонио.

Капитан Марко отправился домой – жил он в скромной квартирке совсем неподалеку от гавани.

Бенито раскочегарил свой старый пикап и тоже двинул до дому. Мусоросжигательную печь на площадке тушить не стали, и на темной земле перед ее приоткрытой дверцей по-прежнему гуляли отсветы пламени.

* * *

Дома Бенито дожидалась его Люпе – вернее, ее бесплотный дух, обитающий в маленьком садике, который она разбила за домом. Он сразу ощутил ее присутствие, глядя на мигающих в темноте светлячков и светящиеся под лунным светом белые соцветия. Бенито налил стаканчик «Флор де Канья» себе и еще один – для нее. Не спеша выпил оба, сидя в садике вместе с Люпе. Того, что они там были вместе, было для него вполне достаточно.

* * *

Кари и Антонио сидели на старом автомобильном сиденье у самого края причала и смотрели на небо. Откуда-то издали по воде доносилось глухое уханье басов.

³³ Не за что.

³⁴ Имей в виду, юноша.

– Чего тебе хочется? – спрашивал Антонио. – Чего бы тебе хотелось иметь?

– Я хочу жить в месте, которое будет принадлежать только мне, – отозвалась Кари, прикусывая ломтик лайма и бросая его обратно в стакан. – В доме, в котором всегда чисто, – до чего только ни дотронешься. Где можно просто ходить босиком, и полы такие, по которым приятно ходить босиком.

– Одна? Сама по себе?

Пожав плечами, она кивнула:

– Если у моей кухни тоже будет хороший дом и если за ее мамой будет обеспечен хороший уход. Я хочу свой собственный дом. Чтобы было так, что закрываешь дверь – и блаженная тишина. Ты сам себе хозяин. Слышишь, как дождь стучит по крыше, и знаешь, что ни капли не протечет тебе на кровать – только цветы в садике вымокнут.

– Ну вот, уже и садик.

– *Sóto no?*³⁵ Мне хотелось бы, чтобы было где посадить цветы. И не только цветы. Представляешь: выходишь утречком на воздух, срываешь какую-нибудь зелень – и сразу на кухню. Рыба в банановом листе – объединение! Включаешь в кухне музыку на полную громкость, когда только ни захочется, или даже наливаешь себе стаканчик, пока готовишь, танцуешь у плиты...

– А парень? Разве тебе не нужен парень?

– Для начала я хочу, чтобы у меня была собственная дверь. А дальше, может, я для кого-нибудь ее и открою.

– Представь, что я поднялся к тебе на крыльцо и стучу. Тук-тук, это я, Одинокый Антонио!

– Это ты-то «Одинокый Антонио», Антонио? *Antonio Soltero?*

Ром дарил приятное тепло.

– Нет, я не *Antonio Soltero*. По крайней мере на данный момент. Если я вдруг стану *soltero*³⁶, то кое-кому придется покинуть страну. На это я пойти не могу. Я получил гражданство благодаря службе в морской пехоте. Ей его так не получить. Приходится ждать. Мы с ней друзья, и я жду вместе с ней. Мы с ее братом служили вместе. И мы его потеряли. – Антонио похлопал по татуировке в виде глобуса и якоря у себя на руке. – *Semper Fi*³⁷.

– Эта, про верность, хорошая. Но ведь у тебя есть и другие татуировки?

– Это ты про «Десять колокольчиков»? Я тогда был совсем пацан. Это совершенно другая школа. Совершенно другие знания. И не в чем мне перед тобой оправдываться.

– Что правда, то правда.

– Я просто вот что скажу: когда все, чем я занимаюсь, будет, типа того, по-честному, то как тебе? Тогда ты меня со своего крыльца так просто не выкуришь.

Со стоящих по берегам реки судов доносилась музыка, там и сям тлели экраны телевизоров. И вдруг посреди всей этой едва различимой какофонии – удивительно красивая тема из «Нарко»³⁸. По воде до них доносился скорее только ритм конги, чем сама мелодия.

У Антонио был голос – как он сам считал, довольно неплохой. Он посмотрел ей прямо в глаза и запел:

Я – огонь, что пылает в груди, Я – прохлада воды на губах. Я как крепость, как башня, как меч, Что целебный источник хранят...

На миг его заглушил теплоходный гудок.

Ты – тот воздух, которым дышу, Свет луны на просторе морском...

³⁵ Почему бы и нет?

³⁶ Это слово употребляется не только в значении «одинокий», но и «холостой».

³⁷ *Semper Fidelis* – «Всегда верен» (лат.); известный девиз, в том числе морских пехотинцев США.

³⁸ «Нарко» – американский криминальный сериал (2015), очень популярный в испаноязычных странах, поскольку изначально снимался на испанском языке. Один из основных персонажей – Пабло Эскобар.

Под луной проплывали тучи, и вместе с ними по реке медленно плыли серые и серебряные пятна. На мгновение показалось, что по ее поверхности можно пройти, не замочив ног.

Из печи вырвался сноп искр.

Кари поднялась и поцеловала Антонио в макушку. Он повернулся было к ней лицом, но опоздал.

– Мне пора домой, *Antonio Soltero*, – мягко произнесла она.

Глава 9

Единственными родственниками Кари в Майами были ее старенькая тетя Шасмин и кузина Хульета со своим маленьким ребенком.

Пока Кари сидела без работы, она жила у них, в муниципальной многоэтажке неподалеку от Клод-Пеппер-уэй в Майами. Мужа Хульеты задержала иммиграционная служба, когда тот, как и положено, совершенно добровольно явился туда для регистрации. Сейчас он находился в изоляторе временного содержания «Кроум», ожидая депортации за выписку необеспеченного чека.

Как и многие жители Майами, которые прибыли в США практически на своих двоих, Кари о подробностях своей жизни особо не распространялась. Только Марко и Антонио было известно, что у нее есть кузина и где та проживает.

Поздно вечером она вошла в здание с черного хода, открыв дверь собственным ключом. Тетя, кузина и ее малышка уже спали. Первым делом Кари проверила, в порядке ли тетя Шасмин, давно прикованная к постели. Заглянула в иссохшее лицо, кажущееся еще более смуглым на фоне белой подушки и простыней. Глаза Шасмин были открыты, и на Кари уставились огромные бездонные зрачки. Они словно затягивали Кари куда-то вглубь. В лице тети она видела смутное сходство с лицом собственной матери, а иногда вдруг узнавала знакомые черты в проносящихся по небу облаках. Ей казалось, что Шасмин пытается поведать ей какой-то секрет, пытается вспомнить что-то важное, чтобы сообщить ей – что-то, что понятно только тем, кто уже достаточно долго успел пожить на этом свете, – хотя Кари прекрасно сознавала, что ни вспоминать, ни рассказывать здесь по сути некому.

Руки до сих пор пахли оружейной смазкой и металлом. Перед тем как подсесть к спящей малышке и прислушаться к ее тихому дыханию, Кари долго оттирала их лаймовым соком и отмывала с мылом. Она уже почти совсем забыла эти запахи и медный привкус войны – словно монетку засунули под язык...

* * *

Когда Кари исполнилось одиннадцать, ее под дулами автоматов забрали из родной деревни и призвали в РВСК – Революционные вооруженные силы Колумбии³⁹.

Там ей дали военную подготовку, сфотографировали в полевой форме юного бойца Новой Колумбии. В обязательном порядке имплантировали под кожу гормональный контрацептив длительного действия и стали использовать там, где требовались ее лучшие качества – проворство, сообразительность и сила. При этом Кари оставалась обычным ребенком среди прочих детей на партизанской базе в глубине лесов, занимающих большую часть колумбийского департамента Какета.

Для самых маленьких поначалу это было нечто вроде летнего лагеря. Офицеры уверяли детей, что те всегда могут вернуться домой, если им не понравится в армии. Но на деле никакой обратной дороги не было.

В свободные от военной подготовки часы они просто играли – дети есть дети. Среди них было много сирот, оставшихся без крыши над головой, которые были бесконечно благодарны за любое проявленное к ним внимание. Когда прекратились авианалеты, по ночам в лагере даже устраивали танцы. Секс между подростками не вызывал у старших особого неодобрения,

³⁹ FARC (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia), она же «Армия народа» – леворадикальная повстанческая группировка, внесенная рядом стран в список террористических организаций.

а вот брак и беременность находились под строгим запретом. Офицеры говорили сопливым девчонкам, что они замужем за революцией.

Многим малолеткам, поступившим из глухих деревушек, музыка и мелькание разноцветных дискотечных огней представлялись настоящим волшебством.

А потом, где-то через месяц, во время одной из таких вот ночных лесных дискотек одна юная пара решила бежать из лагеря. Обоим было по тринадцать лет – и это оказалось уже вторым серьезным нарушением воинской дисциплины, педантично зафиксированное командирами. Патрули перехватили влюбленную парочку прямо на отмели реки Какета, которую те пытались перейти вброд. Держа их в лучах ручных фонарей, дозорные отправили вестового в лагерь. Вскоре весь его личный состав собрался на берегу.

Команданте, сверкая очками, в которых отражался свет фонарей, произнес речь – о том, что в последнее время было уже несколько случаев дезертирства и что пора положить этому конец. Двое подростков ежились в перекрестье направленных на них слепящих лучей – мокрые до нитки, на дрожащих ногах, руки стянуты за спиной белыми пластиковыми стяжками. Под промокшей и прилипшей к телу одеждой девчонки явственно торчал выступающий животик – она была на первых месяцах беременности. На земле рядом с ними валялся вещмешок, набитый едой. Со связанными руками они не могли даже просто прикоснуться друг к другу. Просто стояли вплотную, прижавшись головами.

Команданте объявил, что дезертирство – наихудший из проступков. Заслуживают ли они наказания? «Судите их сами! – выкрикнул он. – Заслуживают ли они наказания? Они бросили вас и украли вашу еду! Поднимите руки, если вы считаете, что они должны быть наказаны!»

Судя по лесу рук, и взрослые, и большинство юных бойцов считали, что да, нарушители должны быть наказаны. Кари тоже потянула вверх свою маленькую ручку вместе с остальными. Да, они заслуживают наказания! Выпороть их? Оставить без завтрака? Отправить в наряд по кухне вне очереди, в помощь Кари? Команданте повелительно взмахнул рукой. Бойцы столкнули парнишку с девчонкой на отмель и расстреляли. Поначалу стрелки вроде замешкались – никому не хотелось стрелять первым. Команданте прикрикнул на них. Один выстрел, второй... А дальше автоматы загремели практически непрерывно. Дети повалились лицом вниз, потом перевернулись в воде лицом вверх, потом опять лицом вниз, в окружении расплывающегося вокруг них густо-красного пятна, и медленно поплыли вниз по течению. Один из солдат сапогом отпихнул мертвую девчонку, которая зацепилась за корягу. Над их тоненькими запястьями высоко торчали свободные концы белых пластиковых стяжек. Они плыли лицом вниз, бок о бок, и за ними по воде, словно распустившаяся красная шаль, тянулся длинный кровавый след. Кари разрыдалась. Большинство детей тоже визжали и плакали. Из лагеря неподалеку по-прежнему доносилась жизнерадостная танцевальная музыка.

До чего же они тонкие, эти детские руки! До чего же высоко торчали над этими тоненькими запястьями упругие концы стяжек! Когда Кари слышала слово «ужас», перед глазами у нее каждый раз вставала именно эта картина.

Эти одноразовые пластиковые хомуты – вставил хвостик в замок-трещотку, затянул, и уже не снимешь – были тут повсюду, одинаково в ходу и у партизан, и у их основных противников, «парамилитарес» – военизированных ультраправых группировок. Едва ли не у каждого на пояском ремне висели целые связки таких стяжек, чтобы можно было в любой момент связать пленного. Пластик не гниет, и на валяющихся в джунглях скелетах они сразу выделялись своей яркой белизной даже на фоне побелевших костей. Когда Кари вдруг натыкалась в лесу на труп, ее начинало выворачивать наизнанку, и даже не при виде его изъеденного разложением лица или тяжело взлетающих с него грифов, набивших желудки падалью, – ее начинало мутить от одного только взгляда на яркие пластиковые хомуты, охватывающие запястья. Партизан специально учили, как ими пользоваться – как связать пленного, продевая хвостик стяжки в замок одной рукой, как ослабить замочек, чтобы освободиться, вставив в него простенькую

отмычку, обычный ключ или просто ноготь, как перепилить пластиковую ленту ботиночными шнурками... Белые стяжки на запястьях часто виделись Кари в кошмарных снах.

Но только не сегодня, только не в эту ночь в Майами, в кресле рядом с младенцем в доме сестры. Ей было видно из окна, как пластиковые стяжки на запястьях Бенито перерезали и старик остался в живых.

Она могла думать только об одном. Всё прислушивалась к размеренному посапыванию малышки и потихоньку задремала сама.

Глава 10

Клиника «Анхелес де ла Мизерикордия», в которой лежал Хесус Вильярреал, – больница для бедных, что расположена на оживленной торговой улице. В полдень ко входу в больницу подкатил черный «Рейнджровер». Шумная уличная толпа тут же охватила его со всех сторон; торговцы с тележками, ругаясь и отпихивая друг друга, бросились к шикарной машине.

Исидро Гомес, крупный и краснолицый, выбрался с переднего пассажирского сиденья. Всего лишь повелительно мотнув подбородком, расчистил место на тротуаре. Распахнул заднюю дверь, из которой вылез его босс, – дон Эрнесто Ибарра, сорока четырех лет, известный желтой прессе как «Дон Тефлон» – мужчина среднего роста в тщательно отутюженном льняном френче.

Когда дон Эрнесто в сопровождении Гомеса проходил переполненным больничным отделением первого этажа – убогим, с потертыми линолеумными полами и длинными рядами коек, кое-где отделенных друг от друга матерчатыми занавесками, – многие пациенты узнавали его и окликали по имени.

Хесус Вильярреал лежал в одной из двух маленьких отдельных палат на дальнем конце отделения. Гомес завалился туда без стука. Через минуту появился обратно, вытирая руки антибактериальной салфеткой. Кивнул дону Эрнесто, который зашел внутрь.

Хесус Вильярреал вытянулся на больничной койке – изможденный старик, живьем угодивший в капкан из окружающих его поручней и переплетения пластиковых трубок. Он стянул с лица кислородную маску.

– Все осторожничаешь, дон Эрнесто, – произнес Хесус. – Уже и умирающих обыскиваешь? Этот здоровенный кабан тебе нужен, чтобы шмонать больных в койках?

Дон Эрнесто улыбнулся ему:

– Ты ведь стрелял в меня тогда в Кали.

– Это был чисто бизнес, и, кстати, ты тоже в меня стрелял, – ответил Хесус.

– Я до сих пор рассматриваю тебя как опасного человека, Хесус. Считаю, что это комплимент. Но ничто не мешает нам стать друзьями.

– Ты – преподаватель, дон Эрнесто, ученый человек. Ты можешь отлично научить, как лучше всего воровать. Но в школах вроде «Десяти колокольчиков» не учат таким вещам, как дружба.

Дон Эрнесто задумчиво изучал Хесуса, распростертого на больничной койке. Глядя на старика, вертел головой, наклонял ее так и эдак – словно ворона, примеривающаяся к лежащей на земле яголке.

– Осталось тебе недолго, Хесус. Ты позвонил мне, и я пришел, потому что уважаю тебя. Ты был капитаном у Пабло, и ты никогда его не продавал, но он все равно ничего тебе не оставил. Давай воспользуемся временем, которое у тебя пока есть, и поговорим, как мужчина с мужчиной.

Старик несколько раз вдохнул кислорода из маски – в дополнение к тому, что подавался через трубку, подведенную к носу.

– В восемьдесят девятом я привез золото Пабло в Майами – спрятал подо льдом на своем траулере. Полтонны золота, а сверху рыба – в основном морской окунь. Тридцать золотых слитков того типа, который называют «Гуд деливери»⁴⁰ – по четыреста тройских унций каждый, все с серийными номерами. Еще те, что по двадцать пять кило, плоские такие, но они не из чистого золота, а из сплава Доре⁴¹, в Инириде на шахтах такие лют. Плюс целый мешок деся-

⁴⁰ «London Good Delivery» – один из самых известных и распространенных размерно-весовых стандартов золотых слитков.

⁴¹ Золото-серебряный сплав, получаемый на золоторудных месторождениях и отправляемый на аффинажные заводы для

титоловых⁴², по сто семнадцать граммов – не знаю, сколько их там было. – Хесус на минуту примолк, с трудом втягивая воздух. – Тысяча фунтов золота. Я могу сказать, где оно. Ты в курсе, сколько может стоить тысяча фунтов золота?

– Около двадцати пяти миллионов американских долларов.

– Что ты мне за это дашь?

– А чего ты хочешь?

– Денег, и еще неприкосновенности для Адрианы и мальчишки.

Дон Эрнесто кивнул:

– *Claro*⁴³. Ты знаешь, что за свои слова я отвечаю.

– Без обид, дон Эрнесто, но мой принцип – денежки вперед.

– Позволь мне столь же учтиво поинтересоваться, кому еще ты продал эту информацию, помимо Ганса-Петера Шнайдера.

– Сейчас уже нет времени подлавливать друг друга. – Хесус поморщился. – Он уже нашел тайник, в котором спрятано золото. Но он не сможет открыть его и при этом остаться в живых, пока я не скажу ему, как это сделать. Однако он вполне может попытаться перевезти его в другое тайное место.

– И при этом останется в живых?

– Скорее всего, нет.

– Там что, ртутный замыкатель? Датчик наклона? Перекосишь – взорвется?

Хесус Вильярреал лишь поджал губы. Они у него все растрескались, и поджимать их было больно.

– Короче, ты можешь объяснить, как он открывается, – резюмировал дон Эрнесто.

– Да. Сейчас я расскажу тебе, какие могут быть сложности, а когда ты вернешься с *dinero efectivo*⁴⁴ на руках, мы обсудим, как их можно решить.

последующей очистки.

⁴² Тола – традиционная индийская мера веса золота (0,375 тройской унции, или 11,6638 г).

⁴³ Конечно.

⁴⁴ Наличные деньги.

Глава 11

Принесенная ветром африканская пыль окрасила восход в Майами в розовые тона. Когда над морем поднялось солнце, окна на противоположном берегу залива Бискейн оранжево засияли.

В прибрежном дворике дома Эскобара, возле дыры в газоне стояли Ганс-Петер Шнайдер с Феликсом.

Умберто уже успел расширить дыру, поработав ломом и лопатой. Из темноты снизу до них доносились размеренные чавкающие звуки – с каждой волной в подземную пещеру через размытую стенку плюхала очередная масса воды, и дыра выдыхала нечистый воздух. Воняло так, что приходилось отворачиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.